

**Европейский Суд по правам человека**  
**Большая Палата**  
**Дело «Сливенко (Slivenko) против Латвии»**  
**(Жалоба № 48321/99)**  
**Постановление**  
**Страсбург, 9 октября 2003 г.**

Настоящее постановление является окончательным, но в текст могут быть внесены редакционные поправки.

В деле «Сливенко против Латвии» Европейский Суд по правам человека, заседая Большой Палатой в составе:

Л. Вильдхабера (L. WILDHABER), Председателя,  
К.Л. Розакиса (C.L. ROZAKIS),  
Ж.-П. Косты (J.-P. COSTA),  
Г. Ресса (G. RESS),  
Сэра Николаса Братцы (Nicolas BRATZA),  
Е. Макарчука (J. MAKARCZYK),  
И. Кабрала Баррето (I. CABRAL BARRETO),  
Ф. Тулкенс (F. TULKENS),  
В. Стражнички (V. STRÁŽNICKÁ),  
П. Лорензена (P. LORENZEN),  
М. Цаца-Николовской (M. TSATSA-NIKOLOVSKA),  
Х.С. Греве (H.S. GREVE),  
А.Б. Баки (A.B. БАКА),  
Р. Марустэ (R. MARUSTE),  
К. Тражи (K. ТРАЈА),  
С. Ботучаровой (S. БОТУЧАРОВА),  
А. Ковлера (A. KOVLER), судей,

при секретаре П.Дж. Махони (P.J. MAHONEY) провел 12 июля 2002 г., 25 сентября 2002 г. и 9 июля 2003 г. совещание за закрытыми дверями и 9 июля 2003 г. вынес следующее Постановление:

## ПРОЦЕДУРА

1. Дело возбуждено по жалобе (№ 48321/99) на Латвийскую Республику, поданной в Суд 28 января 1999 г. двумя бывшими жительницами Латвии, г-жой Татьяной Сливенко и г-жой Кариной Сливенко (*далее* - заявительницы) согласно статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (*далее* – Конвенция).

Первоначально эту жалобу подавал и г-н Николай Сливенко, гражданин России, который является мужем первой заявительницы и отцом второй заявительницы.

2. Заявительницы были освобождены от оплаты юридической помощи. Их интересы представляли г-н А. Аснис (A. Asnis) и г-н В. Портнов (V. Portnov), адвокаты, практикующие в Москве. Правительство Латвии (*далее* - правительство) было представлено своим уполномоченным лицом г-жой К. Малиновской (K. Malinovska).

3. Заявительницы утверждали, в частности, что их выдворение из Латвии нарушило статью 8 Конвенции, либо непосредственно либо в сочетании со статьей 14, а также что их содержание под стражей 28-29 октября 1998 г. и 16-17 марта 1999 г. противоречило пунктам 1 и 4 статьи 5 Конвенции.

4. Жалоба была передана в ведение Второй секции Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Суда).

5. В соответствии с правилом 26 из состава секции для рассмотрения дела была образована Палата. Г-н Э. Левитс (E. Levits), судья, избранный от Латвии, отказался от участия в рассмотрении дела (правило 28). В связи с этим, правительство назначило вместо него для участия в заседании г-на Р. Марустэ, судью, избранного от Эстонии (пункт 2 статьи 27 Конвенции и пункт 1 правила 29).

6. 27 января 2000 г. Палата уведомила о жалобе государство-ответчика (бывший пункт 3(b) правила 54). Стороны представили письменные объяснения, а затем ответили на объяснения друг друга. Кроме того, были получены замечания третьей стороны от правительства России, которое использовало свое право на участие (пункт 1 статьи 36 Конвенции и пункт 2 правила 61). Стороны представили свои объяснения на его замечания (пункт 5 правила 61).

7. 14 июня 2001 г. Палата Второй секции в составе председателя К.Л. Розакиса, судей А.Б. Баки, В. Стражнички, П. Лорензена, М. Цаца-Николовской, Р. Марустэ, А. Ковлера, при секретаре секции Е. Фриберге уступила юрисдикцию в пользу Большой Палаты. Никто из сторон не возражал против уступки юрисдикции (статья 30 Конвенции и правило 72).

8. Состав Большой Палаты был определен в соответствии с положениями пунктов 2 и 3 статьи Конвенции и правила 24 Регламента Суда. Г-н Марустэ вошел в состав как судья назначенный в порядке *ad hoc*<sup>1</sup> государством-ответчиком из числа

---

<sup>1</sup> Лат. «для данного специального случая» - прим. перев.

избранных судей вместо судьи, избранного от государства-ответчика (пункт 1 правила 29).

9. Слушание о приемлемости жалобы и по существу проходило в открытом заседании в Суде по правам человека в Страсбурге 14 ноября 2001 г. (пункт 3 правила 59).

В заседании участвовали:

*от государства-ответчика*

К. Малиновска, *уполномоченное лицо,*  
А. Астахова (A.Astahova), *адвокат;*

*от заявителец*

А. Аснис,  
В. Портнов,  
Т. Рыбина (T. Rybina), *адвокаты;*

от третьей стороны

П. Лаптев (P. Laptev), *уполномоченный*  
*Российский Федерации,*  
С. Волковский (S. Volkovskiy),  
С. Кулик (S. Kulik), *адвокаты*

На слушании также присутствовали заявительницы.

Большая Палата заслушала заявления г-жи Малиновской, г-на Портнова и г-на Лаптева, а также их ответы на вопросы судей.

10. Решением от 23 января 2002 г. [*Примечание Секретариата*: выдержки из решения опубликованы в ECHR 2002-II.] Большая Палата объявила жалобу приемлемой в части, касающейся пунктов 1 и 4 статьи 5, а также статей 8 и 14. Остальные жалобы заявителец, также как и жалобы г-на Николая Сливенко, были объявлены неприемлемыми.

11. По предложению Суда стороны в деле и третья сторона представили дополнительные объяснения по существу дела. Стороны в деле также представили замечания на объяснения друг друга.

12. 12 июля 2002 г. Суд отклонил ходатайства заявителец и третьей стороны о назначении независимой экспертизы в отношении, как утверждалось, фальсифицированного документа, представленного государством-ответчиком (см. пункты 19 и 20 ниже) и о проведении дополнительного слушания по существу.

13. Заявительницы и государство-ответчик, хотя им было предложено только прокомментировать объяснения, сообщенные

российским правительством в качестве третьей стороны, представили новые обширные объяснения, которые выходили за рамки таких комментариев. 25 сентября 2002 г. Суд принял решение приобщить эти материалы к делу и дать возможность сторонам в деле и третьей стороне представить свои окончательные выводы. Окончательные выводы были получены от сторон в деле и третьей стороны в ноябре 2002 г.

## ФАКТЫ

### I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

14. Сообщенные сторонами факты по рассматриваемому делу можно изложить следующим образом.

15. Первая заявительница - г-жа Татьяна Сливенко, 1959 г. рождения. Вторая заявительница - ее дочь г-жа Карина Сливенко, 1981 г. рождения.

16. Обе заявительницы по происхождению русские. Первая заявительница родилась в Эстонии в семье военнослужащего Союза Советских Социалистических Республик (*далее* - СССР). В возрасте 1 месяца вместе со своими родителями переехала в Латвию. Ее муж, Николай Сливенко, 1952 г. рождения, был направлен в Латвию в 1977 г. для прохождения службы в качестве офицера советской армии. Он познакомился с первой заявительницей в Латвии и там женился на ней в 1980 г. В 1981 г. первая заявительница родила их дочь, вторую заявительницу. Отец первой заявительницы ушел с военной службы в отставку в 1986 г.

17. Латвия восстановила свою независимость от СССР в 1991 г. 28 января 1992 г. Российская Федерация приняла на себя юрисдикцию над бывшими советскими вооруженными силами, включая те, которые были размещены на территории Латвии.

18. 4 марта 1993 г. заявительницы и родители первой заявительницы были включены в регистр жителей Латвии (*далее* - регистр) как «бывшие граждане СССР» (см. пункты 50-56 ниже). В то время никто из них не был гражданином какой-либо страны. В своей просьбе о включении в регистр первая заявительница не сообщила, что ее муж был российским военнослужащим.

19. Правительство-ответчик указало, что в своем запросе о включении в регистр первая заявительница представила ложную информацию о профессии Николая Сливенко, указав, что он работает на предприятии. Правительство-ответчик представило копию приложения к заявлению первой заявительницы о получении

вида на жительство в Латвии, где указано, что ее муж работал на предприятии.

20. Заявительницы и третья сторона утверждали, что это фальсификация и такого документа не существует. Заявительницы также отметили тот факт, что в ходе состоявшегося судебного разбирательства относительно законности их пребывания в Латвии (см. пункты 34-39 ниже) иммиграционные власти не ссылались ни на какую подобную ложную информацию и латвийскими судами не был установлен факт того, что заявительницы когда-либо представляли информацию, упомянутую правительством-ответчиком.

21. Николай Сливенко, ставший гражданином России на не установленную дату в начале 90-х годов, продолжал служить в российской армии до увольнения в 1994 г. в связи с сокращением его должности. Стороны разошлись во мнениях относительно фактической даты его увольнения: заявительницы указали, что он был уволен 2 марта 1994 г. Они основывались на том факте, что приказ об увольнении был подписан и вступил в силу 2 марта 1994 г. Российское правительство поддерживает эту точку зрения. Правительство-ответчик утверждает, что муж первой заявительницы был уволен 5 июня 1994 г., поскольку именно в этот день официально закончился его отпуск и на эту дату были рассчитаны его отпускное денежное содержание и выходное пособие.

22. 30 апреля 1994 г. в Москве был подписан договор между Латвией и Россией о выводе российских войск (*далее* - договор) и подлежал применению с этой даты (см. пункты 64-67 ниже).

23. Как заявляет латвийское правительство, даже до подписания и вступления в силу договора, различные латвийские и российские органы сотрудничали в пофамильном определении тех российских военнослужащих, которые подлежали выводу из Латвии. В этой связи 31 марта 1994 г. российские военные власти представили латвийским властям список российских военнослужащих в Латвии, включавший и мужа первой заявительницы, а также просьбу о продлении временного проживания его и его семьи в Латвии. Это, как утверждало правительство-ответчик, ясно указывало на то, что их пребывание в Латвии было временным, и что они были обязаны уехать.

24. По мнению заявительниц и российского правительства, список от 31 марта 1994 г. не означал никакой обязанности для Николая Сливенко покинуть Латвию, поскольку это был документ, лишь запрашивающий продление его временного пребывания в Латвии, и он был представлен до фактического подписания и вступления в силу договора.

25. 7 октября 1994 г. Николай Сливенко обратился в департамент гражданства и иммиграции Латвии (*далее* – ДГИ) с заявлением о предоставлении временного вида на жительство в Латвии, поскольку *inter alia*<sup>2</sup> он состоял в браке с первой заявительницей, постоянно проживающей в Латвии. Ему было отказано на том основании, что как российский военнослужащий он был обязан покинуть Латвию в связи с выводом российских войск по договору.

26. 29 ноября 1994 г. ДГИ исключил заявительниц из регистра на том основании, Николай Сливенко являлся военнослужащим. Заявительницы утверждают, что их не проинформировали об этом решении и они узнали о нем только в 1996 г. в связи с судебным разбирательством, начатым мужем первой заявительницы (см. пункт 29 ниже).

27. Правительство-ответчик также представило список, датированный 10 декабря 1994 г., который, как было заявлено, был представлен латвийским властям российскими вооруженными силами. В этом списке Николай Сливенко был включен в категорию военнослужащих, вышедших в отставку после 28 января 1992 г. Заявительницы и третья сторона оспаривают подлинность этого списка.

28. Правительство-ответчик также представило список от 16 октября 1995 г., который, по их утверждению, был направлен в министерство иностранных дел Латвии российским консульством в Риге. Как заявлено правительством-ответчиком, имя Николая Сливенко было в списке российских военных пенсионеров, уволенных из российских вооруженных сил после 28 января 1992 г. В списке также было отмечено, что 3 августа 1994 г. Николаю Сливенко было предоставлено жилье в г. Курске в России, и что он уехал из Латвии 31 декабря 1994 г. Заявительницы и третья сторона оспаривают подлинность этого списка.

29. Однако в действительности муж первой заявительницы остался в Латвии. Он подал иск к ДГИ, настаивая, что отказ в выдаче ему временного вида на жительство не имеет юридической силы. 2 января 1996 г. Видземский районный суд г. Риги вынес решение в его пользу. ДГИ подал апелляцию на это судебное решение.

30. 19 июня 1996 г. Рижский областной суд удовлетворил жалобу ДГИ, придя к выводу *inter alia*, что Николай Сливенко был российским военнослужащим до 5 июня 1994 г., и что договор от 30 апреля 1994 г. требовал, чтобы все российские офицеры, проходившие службу на 28 января 1992 г., покинули Латвию вместе

---

<sup>2</sup> Лат. «среди прочего» - прим. перев.

со своими семьями. Областной суд сослался *inter alia* на список от 16 октября 1995 г., в котором подтверждалось предоставление ему жилья в Курске и его выезд из Латвии в 1994 г. Кассационную жалобу на решение апелляционной инстанции Николай Сливенко не подавал.

31. 20 августа 1996 г. иммиграционные власти выдали распоряжение о выдворении заявительниц. Оно было вручено им 22 августа 1996 г.

32. 22 августа 1996 г. местные власти решили выселить заявительниц из квартиры, которую те арендовали у министерства обороны Латвии. В том доме, где находилась их квартира, проживали российские военнослужащие со своими семьями, а также другие жители Латвии. В принудительном порядке распоряжение о выселении не исполнялось.

33. На не установленную дату в 1996 г. Николай Сливенко переехал в Россию, тогда как заявительницы остались в Латвии.

34. Первая заявительница подала иск в суд от своего имени и от имени своей дочери, утверждая, что они фактически являются постоянными жителями Латвии и не могут быть выдворены из страны.

35. 19 февраля 1997 г. Видземский районный суд г. Риги вынес решение в пользу заявительниц. Суд пришел к мнению, *inter alia*, что первая заявительница приехала в Латвию как родственница ее отца, а не ее мужа. Поскольку ее отец ушел в отставку в 1986 г., он, следовательно, более не мог считаться военнослужащим, а его близкие родственники, включая заявительниц, могли быть внесены в регистр постоянных жителей Латвии. Суд отменил распоряжение о выдворении заявительниц и постановил внести их вновь в регистр.

36. ДГИ обжаловал это судебное решение 19 февраля 1997 г. Рижский областной суд 30 октября 1997 г. отклонил апелляцию, постановив, что суд первой инстанции разрешил дело правильно. По кассационной жалобе, поданной ДГИ 7 января 1998 г., Верховный Суд отменил решения нижестоящих судов и направил дело на новое рассмотрение в апелляционный суд. Верховный Суд указал на тот факт, что заявительницам предоставили квартиру в Курске, и что они подпадали под положения договора от 30 апреля 1994 г.

37. 6 мая 1998 г. Рижский областной суд удовлетворил апелляцию ДГИ, придя к выводу, что Николай Сливенко нес службу в качестве российского офицера до 5 июня 1994 г. Указывая на тот факт, что после его ухода в отставку из российских вооруженных сил ему предоставили жилье в Курске в 1994 г., суд постановил, что в соответствии с договором он был обязан покинуть Латвию со

своей семьей. Суд постановил, что решение иммиграционных властей об исключении заявительниц из регистра было законным.

38. 12 июня 1998 г. первая заявительница была проинформирована иммиграционными властями, что распоряжение о выдворении от 20 августа 1996 г. вступило в законную силу 6 мая 1998 г. после вынесения решения апелляционным судом.

39. 29 июля 1998 г. Верховный Суд, рассматривая кассационную жалобу заявительниц, оставил в силе решение от 6 мая 1998 г. Верховный Суд указал, что Николай Сливенко был уволен из российских вооруженных сил 5 июня 1994 г. Верховный Суд отметил, что заявительницы получили квартиру в Курске в рамках материальной помощи, предоставленной Соединенными Штатами Америки для вывода российских войск. Основываясь на том факте, что Николай Сливенко был уволен из вооруженных сил после 28 января 1992 г., Верховный Суд пришел к выводу, что заявительницы, как члены его семьи, также должны были покинуть Латвию в соответствии с договором.

40. 14 сентября 1998 г. первая заявительница обратилась в ДГИ с ходатайством о приостановлении распоряжения о выдворении. В удовлетворении ходатайства было отказано 22 сентября 1998 г.

41. 7 октября 1998 г. первая заявительница подала иммиграционным властям апелляцию на распоряжение о выдворении и ходатайствовала предоставить ей вид на жительство и вновь внести в регистр. Она заявила, *inter alia*, что Латвия была для нее и ее дочери родиной, поскольку они прожили в ней всю жизнь и у них не было никакого иного гражданства, и что она должна заботиться о своих родителях-инвалидах, которые постоянно проживали в Латвии.

42. Поздно вечером 28 октября 1998 г. к заявительницам в квартиру явилась полиция. В 22:30 того же дня они были арестованы. 29 октября 1998 г. в 12:30 офицер полиции выдал ордер на арест заявительниц на основании статьи 48 (часть 5) Закона «Об иностранцах». В ордере было указано, что у заявительниц не было действительных документов, подтверждающих право на пребывание в Латвии, и что заявительницы исключены из регистра жителей Латвии окончательным решением Верховного Суда от 29 июля 1998 г. Также в ордере было сказано, что заявительницы «не покинули Латвию согласно судебному решению и есть разумные основания подозревать, что они находятся в Латвии незаконно». Заявительницы расписались на ордере. На основании ордера они были немедленно помещены в центр для незаконных иммигрантов.

43. В этот же день, 29 октября 1998 г. директор ДГИ направил в иммиграционную полицию письмо, где указывалось, что арест заявительниц был «преждевременным» в виду того факта, что первая заявительница 7 октября 1998 г. подала апелляцию. В этом письме не содержалось ссылок на нормы внутреннего права. Директор ДГИ приказал иммиграционной полиции освободить заявительниц. Они были освобождены 29 октября 1998 г. в не установленное время.

44. 3 февраля 1999 г. заявительницы получили письмо от директора ДГИ, датированное 29 октября 1998 г., в котором их информировали о том, что они должны немедленно покинуть Латвию. Их также проинформировали, что в случае их добровольного подчинения распоряжению о выдворении, им в дальнейшем могла предоставляться виза на пребывание в стране в течение 90 дней в году.

45. 16 марта 1999 г. полиция провела обыск в квартире родителей первой заявительницы, во время которого присутствовала вторая заявительница. В тот же день в 9:00 офицер полиции выдал ордер на арест второй заявительницы на основании статьи 48 (часть 5) Закона «Об иностранцах». В ордере указывалось, что у второй заявительницы не было действительного документа, подтверждающего право на пребывание в Латвии и есть разумные основания подозревать, что она находится в Латвии незаконно. Вторая заявительница расписалась на ордере. Она была немедленно арестована и затем в течение 30 часов удерживалась в центре для незаконных иммигрантов. Она была освобождена 17 марта 1999 г.

46. 11 июля 1999 г. заявительницы переехали в Россию к Николаю Сливенко. К этому времени вторая заявительница закончила в Латвии среднюю школу. На не установленную дату в 2001 г. заявительницы получили российское гражданство, как бывшие граждане СССР. В настоящее время заявительницы проживают в Курске в квартире, которая была предоставлена российским министерством обороны. После того, как заявительницы покинули Латвию, их квартира в Риге вновь поступила в распоряжение латвийских властей. Тем временем родители первой заявительницы продолжали жить в Латвии на основании своего статуса «бывших граждан СССР».

47. Как сообщили заявительницы, родители первой заявительницы серьезно больны, но у заявительниц нет возможности приехать в Латвию и навестить их. Распоряжение о выдворении от 20 августа 1996 г. запрещало заявительницам въезд в Латвию в течение пяти лет. Запрет истек 20 августа 2001 г. К концу 2001 г.

заявительницы получили визы, разрешающие им пребывание в Латвии не более 90 дней в году.

48. В связи с тем, что Николай Сливенко добровольно покинул Латвию, на него не распространялся запрет на въезд в Латвию. Ему было разрешено посетить Латвию несколько раз за период с 1996 г. по 2001 г.

## II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ВНУТРЕННЕЕ ПРАВО И ПРАКТИКА

### А. Гражданство и национальность в Латвии

49. В латвийских законах для обозначения принадлежности лица к гражданам государства используется термин «гражданство» (*pilsonība*). В официальном английском переводе законодательных актов иногда вместе с термином «гражданство» в скобках используется термин “nationality”<sup>3</sup>. Закон «Об иностранцах» (статья 1) в официальном переводе на английский язык, например, предусматривает, что «иностранец» [является] лицом, имеющим гражданство (национальность) другого государства; «лицом без гражданства» [является] лицо, не имеющее гражданства (национальности)».

### Б. Категории латвийских жителей

50. Латвийское законодательство по вопросам гражданства и иммиграции выделяет несколько категорий лиц, каждая из которых имеет свой статус, установленный конкретным Законом:

(а) граждане Латвии (*Latvijas Republikas pilsoņi*), правовой статус которых определен Законом «О гражданстве» от 22 июля 1994 г. (*Pilsonības likums*);

(б) «постоянно проживающие неграждане» (*nepilsoņi*) – то есть бывшие граждане СССР, которые потеряли свое советское гражданство после распада СССР, но затем не получили никакого другого гражданства – их положение определяет Закон «О статусе бывших граждан СССР» от 12 апреля 1995 г. (*Likums “Par to bijušo PSRS pilsoņu statusu, kuriem nav Latvijas vai citas valsts pilsonības”*); в отношении данной категории лиц может также применяться название «бывшие граждане СССР»;

<sup>3</sup> Англ. «гражданство, национальность (не в этническом смысле, а как принадлежность к постоянному населению страны) – прим. перев.

(в) лица, ищущие убежища, и беженцы, статус которых регулируется Законом «Об убежище» от 7 марта 2002 г. (*Patvēruma likums*);

(г) «лица без гражданства» (*bezvalstnieki*), определенные в Законе «О лицах без гражданства» от 18 февраля 1999 г. (*Likums "Par bezvalstnieka statusu Latvijas Republikā"*), применяемом в сочетании с Законом «Об иностранцах», а с 1 мая 2003 г. – с заменившим его Законом «Об иммиграции»;

(д) «иностранцы» в широком значении этого термина (*ārzemnieki*), включая иностранных граждан (*ārvalstnieki*) и лиц без гражданства (*bezvalstnieki*), на которых распространяется только Закон «Об иностранцах и лицах без гражданства (въезд и проживание)» от 9 июня 1992 г. (*Likums "Par ārvalstnieku un bezvalstnieku ieceļošanu un uzturēšanos Latvijas Republikā"*; далее – Закон об иностранцах) (до 1 мая 2003 г.) и Закон «Об иммиграции» (после указанной даты).

51. Закон «О гражданстве» основывается на двух принципах: *jus sanguinis*<sup>4</sup> и государственного правопреемства в вопросах международного и конституционного права. Соответственно, только те лица, за некоторыми исключениями, которые имели латвийское гражданство по состоянию на 17 июня 1940 г. (дата установления в Латвии советской власти) и их потомки признаются *ipso jure*<sup>5</sup> латвийскими гражданами (пункт 1 статьи 2). Факт рождения на латвийской территории или проживания на ней в течение длительного периода времени сам по себе не дает права на латвийское гражданство. Соответственно, бывшие граждане СССР, прибывшие в Латвию в советскую эпоху (1944-1991 гг.) и их потомки, автоматически не получили латвийского гражданства, после того как Латвия восстановила свою независимость.

52. Кроме того, Закон «О гражданстве» предусматривает возможность стать гражданином Латвии посредством натурализации в соответствии с условиями и процедурой, установленными в главе II Закона. Лица, которые хотят натурализоваться и стать латвийскими гражданами, должны на законных основаниях проживать в Латвии в течение, по крайней мере, последних пяти лет, иметь легальный источник дохода, сдать экзамен на знание латышского языка, знать Конституцию Латвии и национальный гимн, обладать базовыми знаниями латвийской истории, дать клятву на верность и, в соответствующих случаях, отказаться от имеющегося гражданства (статья 12). Пункт 1 статьи 11 перечисляет

---

<sup>4</sup> Лат. «принцип крови, приобретение гражданства по гражданству родителей» - прим. перев.

<sup>5</sup> Лат. «в силу самого закона» - прим. перев.

основания для отказа в натурализации; например, запрещена натурализация лиц, которые:

«...после 17 июня 1940 г. выбрали Республику Латвия в качестве места проживания сразу после увольнения из вооруженных сил СССР (России), и у которых не было постоянного места жительства в Латвии на дату их призыва или поступления на военную службу...».

53. В редакции, действовавшей до 25 сентября 1998 г., статья 1 Закона «О бывших гражданах СССР» предусматривала:

«(1) Настоящий закон применяется к бывшим гражданам СССР, которые проживают в Латвии..., проживали на территории Латвии до 1 июля 1992 г. и зарегистрированы, как проживающие в ней, независимо от статуса их жилья, при условии, что они не являются гражданами Латвии или любого другого государства, а также к их детям, не достигшим совершеннолетия, если последние не являются гражданами Латвии или какого-то иного государства.»

В редакции, действующей с 25 сентября 1998 г., статья 1 Закона «О бывших гражданах СССР» предусматривает следующее:

«(1) Лицами, положение которых регулирует настоящий Закон, т.е. «негражданами» являются бывшие граждане СССР и их дети, проживающие в Латвии... и отвечающие всем следующим критериям:

1. На 1 июля 1992 г. они были зарегистрированы как проживающие на территории Латвии, независимо от статуса их жилья; либо их последнее зарегистрированное место жительства на 1 июля 1992 г. было в Латвийской Республике; либо суд установил, что до вышеуказанной даты они проживали на территории Латвии не менее 10 лет.
2. Не имеют латвийского гражданства.
3. Не являются и не были гражданами другого государства.

(2) Правовой статус лиц, прибывших в Латвийскую Республику после 1 июля 1992 г., определяется Законами «Об иностранцах» и «О лицах без гражданства».

(3) Настоящий закон не применяется к следующим лицам:

1. Военным специалистам, участвующим в управлении и демонтаже военного [радиолокационного] оборудования Российской Федерации, установленного на территории Латвии, и гражданским лицам, направленным в Латвию для этой цели.

2. Лицам, которые были уволены из вооруженных сил после 28 января 1992 г., если на дату их поступления на военную службу они не проживали постоянно на территории Латвии, и если они не являются близкими родственниками латвийских граждан;

3. Супругам [указанных выше] лиц и членам их семей (детям и иным иждивенцам), проживающим с ними, если, независимо от даты их прибытия, они приехали в Латвию в связи с прохождением службы военнослужащим вооруженных сил Российской Федерации (СССР).

4. Лицам, которые получили компенсацию за обустройство своего постоянного места жительства за рубежом, независимо от того, была ли

компенсация выплачена латвийскими центральными или местными властями, либо международным или зарубежным органом или фондом.

5. Лицам, которые на 1 июля 1992 г. были официально зарегистрированы как проживающие в течение какого-то периода времени на территории государства-члена Содружества Независимых Государств.»

Пункт 2 статьи 2 закона запрещает выдворение «неграждан», «кроме случаев, когда депортация проводится в соответствии с законом и другое государство согласилось принять выдворяемое лицо». Кроме того, статья 5 (которая 7 апреля 2000 г. стала статьей 8) предусматривает:

«(1) Статья 2... настоящего закона также [применяется] к лицам без гражданства и их потомкам, которые не являются и никогда не были гражданами какого-либо государства и которые до 1 июля 1992 г. проживали на территории Латвии и были зарегистрированы как постоянно проживающие на ней...

(2) Статья 2 настоящего закона также применяется к гражданам других государств и их потомкам, которые проживали на территории Латвии до 1 июля 1992 г. и были зарегистрированы как постоянно проживающие на ней..., при условии, что они не имеют латвийского гражданства...»

Наконец, статья 49 предусматривает, что международные соглашения по иммиграции «заключенные Латвийской Республикой и утвержденные парламентом» имеют приоритет над национальным законодательством.

54. Положения Закона «Об иностранцах», имеющие отношение к настоящему делу, сформулированы следующим образом:

## **Статья 11**

«Любой иностранец или лицо без гражданства имеет право находиться в Латвийской Республике более трех месяцев [редакция, действующая с 25 мая 1999 года: «более 90 дней в течение половины календарного года»], при условии, что он или она получили вид на жительство в соответствии с положениями настоящего закона. ...»

## **Статья 23**

«Следующие лица могут получить постоянный вид на жительство:

...

(2) супруги граждан Латвии, «постоянно проживающих неграждан» Латвии, либо иностранцев или лиц без гражданства, которым предоставлен постоянный вид на жительство в соответствии со [статьей]... 26 настоящего

закона, а также дети этих супругов, не достигшие совершеннолетия или находящиеся на иждивении...»

55. На момент вступления в силу Закона «Об иностранцах» в нем не содержалось каких-либо положений, исключаящих военнослужащих российских вооруженных сил, уволенных после 28 января 1992 г. Положение № 297 от 6 августа 1996 г., подтвержденное Законом от 18 декабря 1996 г., внесло в статью 23 следующие изменения:

«Постоянный вид на жительство может быть получен иностранцами, которые на 1 июля 1992 г. были официально зарегистрированы, как проживающие в течение какого-то периода в Латвийской Республике, если на момент подачи заявления на постоянное проживание, они официально зарегистрированы как проживающие в Латвийской Республике и внесены в регистр жителей.

Бывшие граждане СССР, получившие гражданство другого государства до 1 сентября 1996 г., должны обратиться за постоянным видом на жительство до 31 марта 1997 г. Бывшие граждане СССР, получившие гражданство другого государства после 1 сентября 1996 г., должны подать заявление в течение шести месяцев с даты получения гражданства этого государства.

Данная статья не применяется к следующим лицам:

(1) военным специалистам, привлеченным к эксплуатации и демонтажу российского военного [радиолокационного] оборудования, установленного на территории Латвии, и гражданским лицам, направленным в Латвию с этой целью;

(2) лицам, уволенным с действительной военной службы после 28 января 1992 г., если на дату их призыва они постоянно не проживали на территории Латвии и если они не являются близкими родственниками граждан Латвии; или

(3) супругам [указанных выше] лиц и членам их семей (детям и иным иждивенцам), проживающим с ними, если, независимо от даты их прибытия в Латвию, они приехали в связи с прохождением службы военнослужащим вооруженных сил Российской Федерации (СССР).»

56. Лица, законно проживающие в Латвии, вносятся в регистр жителей и им присваиваются личные идентификационные номера (*personas kods*). Ведение регистра, возложенное на органы внутренних дел, регулируется Законом «О регистре жителей» от 27 августа 1998 г. (*Iedzīvotāju reģistra likums*), который заменил предыдущий Закон от 11 декабря 1991 г. (*Likums "Par iedzīvotāju reģistru"*).

57. По информации, предоставленной правительством-ответчиком, около 900 лиц – близких родственников российских военнослужащих, обязанных покинуть Латвию по договору – смогли

легализовать свое пребывание в Латвии, поскольку эти лица были либо латвийскими гражданами, либо близкими родственниками латвийских граждан и не прибыли в Латвию в связи со службой в советских вооруженных силах.

## **В. Выдворение иностранцев и заключение их под стражу до осуществления депортации**

58. Статья 35 Закона «Об иностранцах» перечисляет обстоятельства, при которых не выдается вид на жительство, даже временный. В статье 36 Закона «Об иностранцах» перечислены основания, по которым вид на жительство может быть аннулирован. Факт прохождения службы в составе российских вооруженных сил после 28 января 1992 г. не упоминается ни в одном из этих перечней.

Пункт 1 статьи 36 предусматривает, что вид на жительство должен быть аннулирован, если лицо, имеющее вид на жительство, «сознательно предоставило ложную информацию в Департамент». Пункт 3 статьи 36 предусматривает те же последствия, если обладатель вида на жительство «вызывает у компетентных властей обоснованные подозрения, что он или она представляет угрозу общественному порядку или государственной безопасности». Пункт 6 статьи 36 касается лиц, которые «поступили на службу иностранного государства в вооруженные силы или иную, кроме случаев, предусмотренных международными соглашениями». Наконец, пункт 14 статьи 36 касается лиц, которые «получили компенсацию за обустройство своего постоянного места жительства за рубежом, независимо от того, была ли компенсация выплачена латвийскими центральными или местными властями, либо международными или зарубежными органами или фондом».

59. Статья 38 Закона предусматривает, что глава департамента внутренних дел или одного из его региональных подразделений должен выдать распоряжение о выдворении, если иностранец или лицо без гражданства проживает на территории Латвии, не имея действительной визы или вида на жительство, а также в иных случаях, перечисленных в статье 36.

60. Статьи 39 и 40 предусматривают:

### **Статья 39**

«Если распоряжение о выдворении выдано в отношении лица, имеющего на своем иждивении родственников в Латвии, то последние должны уехать вместе с ним или с ней. Распоряжение о выдворении не применяется к членам его или ее семьи, являющимся латвийскими гражданами или негражданами.»

## Статья 40

«Лицо должно покинуть территорию Латвии в течение 7 дней после вручения ему или ей распоряжения о выдворении, при условии отсутствия апелляции, поданной на это распоряжение в порядке, предусмотренным в настоящей статье.

Лицо, в отношении которого выдано распоряжение о выдворении, может в течение семи дней подать апелляцию главе Департамента, который должен продлить вид на жительство до рассмотрения этой апелляции.

Решение главы Департамента может быть обжаловано в суд, в территориальной юрисдикции которого находится центральный орган Департамента, в течение семи дней после его вручения лицу.»

61. Согласно статье 48, если лицо не подчинилось распоряжению о выдворении, то его или ее полиция может выдворить из Латвии в принудительном порядке. Согласно части 4 статьи 48 у полиции есть право арестовать лицо для выполнения распоряжения о выдворении.

В соответствии с частью 5 статьи 48 у полиции есть право арестовать лицо без наличия решения о его или ее выдворении в случае, если:

(1) это лицо незаконно въехало в государство;

(2) это лицо сознательно предоставило ложную информацию компетентным властям для того, чтобы получить визу или вид на жительство;

(3) у властей есть обоснованные подозрения, что это лицо скроется или что у него или нее нет постоянного места жительства; или

(4) у властей есть обоснованные подозрения, что это лицо представляет угрозу общественному порядку или государственной безопасности.

В таких случаях у полиции есть право задержать лицо не более чем на 72 часа или, при уведомлении прокурора, не более чем на 10 суток. Полиция должна немедленно проинформировать иммиграционные власти об аресте для того, чтобы они выдали распоряжение о принудительном выдворении этого лица. Соответствующее лицо может обжаловать это распоряжение о выдворении согласно положениям статьи 40 Закона.

В соответствии с частью 6 статьи 48 лицо, в отношении которого выдано такое распоряжение о выдворении, может быть задержано вплоть до выполнения распоряжения, и об этом распоряжении должен быть уведомлен прокурор.

Часть 7 статьи 48 предусматривает, что арестованное лицо должно быть немедленно проинформировано о причинах своего ареста и о своем праве на юридическую помощь.

Согласно части 10 статьи 48 у полиции есть право арестовать иностранца и лицо без гражданства, проживающего в Латвии без действительной визы или вида на жительство. Такие лица в течение трех часов должны быть доставлены иммиграционным властям или в полицейское учреждение предварительного заключения.

### **Г. Защита в суде нарушенных личных прав**

62. Глава 24-А Гражданского процессуального кодекса гарантирует право судебного обжалования административных действий, нарушающих личные права.

Пункт 1 части 2 статьи 239 гласит, что жалоба на действия (решения) государственного органа, после ее рассмотрения компетентным вышестоящим административным органом, может быть подана в суд.

Согласно пункту 1 части 3 статьи 239 Кодекса жалоба может быть подана в суд в течение одного месяца с даты уведомления об отклонении жалобы вышестоящим органом, либо в течение одного месяца с даты оспариваемого действия, если соответствующему лицу не было сообщено о решении.

Часть 5 статьи 239 предусматривает, что суд обязан рассмотреть жалобу в течение 10 дней, при необходимости допросив стороны и иных лиц.

В силу части 7 статьи 239, если суд сочтет, что соответствующее действие нарушило права лица, суд должен обязать власти исправить нарушение.

### **Д. «Регистрация» места жительства**

63. В соответствии с советским законодательством граждане получали «регистрацию» (*propiska*) по конкретному адресу посредством специального штампа, который ставился в паспорте и подтверждал постоянное место жительства, как это требовалось внутренним правом. После восстановления независимости Латвии в 1991 г. латвийское законодательство сохранило систему «регистрации».

## **III. ЛАТВИЙСКО-РОССИЙСКИЙ ДОГОВОР О ВЫВОДЕ РОССИЙСКИХ ВОЙСК**

64. Договор между Латвией и Россией об условиях и графике полного вывода войск Российской Федерации с территории Латвийской Республики и их статусе в период вывода (*далее* - договор) был подписан в Москве 30 апреля 1994 г., опубликован в *Latvijas Vēstnesis* (официальная газета) 10 декабря 1994 г. и вступил в силу 27 февраля 1995 г.

В преамбуле договора стороны указали, *inter alia*, что, подписывая этот договор, они стремятся «искоренить негативные последствия своей общей истории».

65. Помимо этого, положения договора, которые имеют отношение к рассматриваемому делу, предусматривали следующее:

## **Статья 2**

«Войска Российской Федерации обязаны покинуть территорию Латвийской Республики к 31 августа 1994 г.

Вывод войск Российской Федерации касается всего состава вооруженных сил Российской Федерации, членов их семей и их движимого имущества.

Заккрытие военных баз на территории Латвийской Республики и увольнение военнослужащих после 28 января 1992 г. не рассматривается как вывод войск. ...»

## **Статья 3 (часть 5)**

«Российская Федерация должна информировать Латвийскую Республику о своих военнослужащих и членах их семей, находящихся на территории Латвии. Информация о выводе и количественных изменениях по каждой из вышеупомянутых групп должна предоставляться регулярно, по крайней мере каждые три месяца. ...»

## **Статья 9**

Латвийская Республика гарантирует права и свободы военнослужащих Российской Федерации, которых затрагивает вывод войск, а также членов их семей в соответствии с законодательством Латвийской Республики и принципами международного права.»

## **Статья 15**

«Настоящий договор ... применяется в предварительном порядке с даты подписания, и вступает в силу с даты обмена ратификационными грамотами. ...»

66. Меры по выполнению Латвией вышеупомянутого договора изложены в Положении № 118 от 22 апреля 1995 г., второй пункт которого предусматривает:

«Министерство внутренних дел:...

2.2. выдает виды на жительство после сверки списка военнослужащих... с перечнем уволенных из российских вооруженных сил лиц, которые проживали на территории Латвии на 28 января 1992 г. и были зарегистрированы Департаментом гражданства и иммиграции...;

2.3. выдает распоряжения о выдворении лиц из состава вооруженных сил, которые незаконно проживают в Латвийской Республике, и контролирует исполнение таких распоряжений;...»

67. Соглашение между Россией и Латвией, подписанное также 30 апреля 1994 г., касается социальной защиты ушедших в отставку военнослужащих Российской Федерации и членов их семей, проживающих на территории Латвийской Республики. Статья 2 данного соглашения, которая главным образом применяется к лицам, уволенным из советских вооруженных сил до того, как Латвия восстановила свою независимость, предусматривает:

«Лица, к которым применяется настоящее соглашение, пользуются основополагающими правами на территории Латвийской Республики в соответствии с нормами международного права, положениями настоящего соглашения и латвийским законодательством.

Лица, к которым применяется настоящее соглашение... и которые постоянно проживали на территории Латвийской Республики до 28 января 1992 г., включая тех, в отношении которых не были совершены соответствующие формальности, и кто включен в списки, сверенные обеими сторонами и прилагаемые к настоящему соглашению, сохраняют право беспрепятственного проживания на территории Латвии, если они этого пожелают. По соглашению сторон, любые лица, постоянно проживавшие на территории Латвии до 28 января 1992 г. и по различным причинам не включенные в указанные выше списки, могут быть внесены в них дополнительно...»

## ПРАВО

### I. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

68. Заявительницы в своей жалобе указали, что их выдворение из Латвии нарушило статью 8 Конвенции, которая предусматривает:

«1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах

национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц.»

## **А. Объяснения сторон**

### *1. Заявительницы*

69. Заявительницы утверждали, что их выдворение из Латвии нарушило их право на уважение их «личной жизни», «семейной жизни» и «жилища», предусмотренное статьей 8. По их мнению, ни латвийское законодательство, ни латвийско-российский договор о выводе российских войск, при правильном их толковании, не требовали их выдворения, во всяком случае, имевшее место вмешательство в осуществление их вышеуказанных прав не преследовало никакой законной цели и не было необходимым в демократическом обществе. Заявительницы также указали, что в результате неправильного толкования латвийскими судами латвийско-российского договора о выводе российских войск, они лишились права на проживание в Латвии и были вынуждены покинуть Латвию по причине политических изменений, а не совершенных ими деяний.

70. В этой связи заявительницы утверждали, что в соответствии с латвийским законодательством у них фактически было право на законное пребывание в Латвии и что латвийско-российское договор о выводе российских войск не затрагивал это право. Они считают, что имели право быть зарегистрированными как постоянные жители Латвии по Закону «О статусе бывших граждан СССР». По их мнению, единственным ограничением, установленным этим законом (статья 1), а также Законом «Об иностранцах» (статья 23), на право постоянного проживания в Латвии являлся тот факт, что лицо прибыло в Латвию в качестве члена семьи советского или российского военнослужащего, не ушедшего в отставку к 28 января 1992 г. Однако первая заявительница прибыла в Латвию в качестве члена семьи своего отца, который ушел в отставку до 28 января 1992 г., а вторая заявительница родилась в Латвии и прожила в ней всю свою жизнь. Соответственно, заявительницы имели право получить статус «бывших граждан СССР» и постоянный вид жительство, а также быть внесенными в регистр жителей Латвии. В этой связи

заявительницы сделали вывод, что их включение в регистр 3 марта 1994 г. было абсолютно законным.

71. Заявительницы кроме того утверждали, что латвийские власти дали неправильное толкование нормам латвийского права, когда их впоследствии лишили правового статуса в Латвии на том основании, что они были близкими родственниками Николая Сливенко. С точки зрения заявительниц, их право проживать в Латвии не зависело от правового положения Николая Сливенко. Заявительницы признали, что латвийско-российский договор о выводе российских войск обязывал российских военнослужащих покинуть Латвию. Но договор не предусматривал ситуаций, подобных случаю с заявительницами, когда члены семьи российского военнослужащего прибыли в Латвию независимо от него, создали с ним семью, уже проживая там, и получили правовой статус в Латвии после восстановления независимости Латвии. Таким образом, договор не мог применяться к заявительницам «без установления того, как они прибыли в Латвию и какие национальные законы определяли их статус». По мнению заявительниц, решение латвийских властей о применении к ним договора и аннулировании их права на проживание в Латвии было незаконным.

72. Заявительницы также не согласились с утверждением правительства-ответчика, что латвийские власти аннулировали их право на проживание в Латвии также на том основании, что при обращении за постоянным видом на жительство первая заявительница предоставила ложную информацию относительно рода занятий Николая Сливенко. Заявительницы указали, что первая заявительница никогда не обманывала власти относительно статуса ее мужа и что документ, представленный в этой связи правительством-ответчиком, является фальсифицированным (см. пункты 19 и 20 выше). В этой связи заявительницы также отметили, что в ходе последовавшего судебного разбирательства по вопросу о законности их пребывания в Латвии, иммиграционные власти не указывали на то, что заявительницы представили какую-то ложную информацию, и что латвийские суды не установили факта того, что заявительницы когда-либо представляли информацию, упомянутую правительством-ответчиком. Заявительницы в этой связи пришли к выводу, что им должны были разрешить остаться в Латвии, что распоряжение о выдворении от 20 августа 1996 г. представляло собой вмешательство в осуществление их прав по статье 8 Конвенции и что это вмешательство не было предусмотрено законом, как этого требует второй пункт данной статьи.

73. Кроме того, это вмешательство не преследовало никаких законных целей, предусмотренных этим положением Конвенции, и, во всяком случае, не было необходимым в демократическом обществе. Заявительницы указали, что в ходе судебного разбирательства по вопросу о законности их пребывания в Латвии в национальных судах не упоминались какие-либо основания, связанные с национальной безопасностью, общественным порядком или предотвращением преступления; это разбирательство касалось исключительно законности их пребывания в соответствии с внутренним законодательством. Поэтому, национальные суды не привели никаких оснований, указанных во втором пункте статьи 8, в мотивировке их выдворения из Латвии.

74. Как считают заявительницы, они были полностью интегрированы в латвийское общество, их связывают с Латвией незаменимые личные, социальные и экономические узы в результате следующих обстоятельств:

(а) Первая заявительница проживала в Латвии с месячного возраста, а вторая заявительница родилась и всегда жила в Латвии.

(б) Во время советского правления в Латвии, до 1991 г., не было никаких отдельных списков советских военнослужащих, ни их близких родственников в регистре жителей. В течение этого периода Николай Сливенко и заявительницы были полноправными гражданами СССР, проживающими на территории Латвии с «регистрацией» (см. пункт 63 выше) в Риге; следовательно, до 1991 г. их официальный статус проживания был таким же, как у других советских граждан, проживающих в Латвии.

(в) Первая заявительница получила образование в школе в Латвии и с семнадцати лет работала в различных организациях и компаниях в Риге. Она никогда не работала в советском или российском военном учреждении.

(г) С 1991 г. по 1995 г. первая заявительница работала в некоторых латвийских компаниях и в одной из них она работала секретарем. По мнению первой заявительницы, этот факт подтверждает ее высокий уровень владения латышским языком.

(д) Вторая заявительница закончила среднюю школу в Латвии в 1999 г., получив, *inter alia*, сертификат, подтверждающий свободное владение ею латышским языком.

(е) Родители первой заявительницы проживали в Латвии с 1959 г.; они получили статус «бывших граждан СССР» и на данный момент проживают в Латвии.

(ж) Николай Сливенко прибыл в Латвию в 1977 г. Он вступил в брак с первой заявительницей в 1980 г., после чего супруги жили в Риге в квартире среди гражданского населения, а не в казармах

советской армии или в каких-то иных особых зонах или зонах с ограниченным доступом.

(з) Почти половина населения Латвии в советские времена и около 40 процентов в настоящее время состоит из этнических русских. Поэтому у заявительниц не было проблем с ведением нормальной жизни в Латвии из-за того, что их родным языком является русский. В любом случае, заявительницы также в полной мере владеют латышским языком, хотя они и закончили образовательные учреждения, где преподавали на русском языке.

75. В виду вышеизложенных обстоятельств заявительницы были полностью интегрированы в латвийское общество и уровень их интеграции не отличался от уровня лиц, имеющих статус постоянных жителей Латвии. Вслед за восстановлением Латвией независимости в 1991 г. заявительницы полагали, что их будущее связано только с Латвией. У заявительниц не было знакомых, близких людей, жилья в каком-либо другом государстве. Николай Сливенко после переезда в Россию в 1996 г. получил квартиру от местных властей в Курске, как вышедший на пенсию военнослужащий, а не в качестве компенсации за то, что он покинул Латвию. Заявительницы утверждали, что латвийские власти насильно разлучили их с Николаем Сливенко, к которому заявительницы присоединились в России лишь в 1999 г. Кроме того, выдворив заявительниц Латвии в принудительном порядке, власти также разлучили их с престарелыми родителями первой заявительницы. Эту ситуацию усугубил запрет заявительницам посещать Латвию до 20 августа 2001 г. Учитывая изложенное выше, в результате их выдворения из Латвии было нарушено их право на уважение личной жизни заявительниц, их семейной жизни и жилища.

## *2. Правительство-ответчик*

76. Правительство Латвии считает, что вопрос выдворения заявительниц из Латвии должен рассматриваться в контексте искоренения последствий незаконной оккупации Латвии Советским Союзом, которая завершалась выводом российских войск с территории Латвии.

77. Правительство также считает, что не было вмешательства в осуществление прав заявительниц по статье 8 Конвенции. В любом случае, даже предположив, что их выдворение представляло собой вмешательство в их права по статье 8, оно соответствовало латвийскому законодательству и латвийско-российскому договору о выводе российских войск. Кроме того, вмешательство преследовало

законные цели защиты национальной безопасности и предотвращения беспорядков и преступлений, а также было необходимым в демократическом обществе в соответствии с пунктом 2 статьи 8 Конвенции.

78. Правительство-ответчик заявило, что согласно пункту 2 статьи 3 латвийско-российского договора о выводе российских войск, все, кто служил в российской армии по состоянию на 28 января 1992 г., включая уволенных после этой даты, были обязаны покинуть Латвию. Следовательно, договор был правильно применен к Николаю Сливенко и заявительницам, как членам его семьи, и выдворение заявительниц соответствовало договору и латвийскому законодательству.

79. Как заявило правительство-ответчик, до вывода российских вооруженных сил из Латвии все российские военнослужащие, находящиеся в Латвии, должны были получить временный вид на жительство. Именно в этом контексте 31 марта 1994 г. российские власти представили список российских военнослужащих, в который были включены Николай Сливенко и заявительницы, как члены его семьи, для выдачи временного вида на жительство. Правительство Латвии заявило, что список подтверждал, что заявительницы были «родственниками [лиц из состава] российских вооруженных сил [и не имели] права на внесение их в регистр латвийских жителей и, таким образом, должны были покинуть Латвию в ходе предстоящего вывода российских войск» (см. также пункты 23 и 24 выше).

80. Списки от 10 декабря 1994 г. и 16 октября 1995 г., в которых указывалось имя Николай Сливенко, были представлены российским посольством в Латвии в соответствии с пунктом 5 статьи 3 латвийско-российского договора о выводе российских войск. Список от 10 декабря 1994 г. был представлен латвийским властям начальником отдела социального обеспечения российского посольства в Риге и в нем были указаны российские военнослужащие, в том числе Николай Сливенко, уволенные из российских вооруженных сил после 28 января 1992 г. (см. также пункт 27 выше). Список от 16 октября 1995 г. был передан тем же российским представителем в качестве обновленного варианта списка от 10 декабря 1994 г. и в нем указывалось, кто из российских военнослужащих покинул Латвию и кто оставался в ней, в основном по техническим причинам, а также кто запросил разрешение на постоянное проживание в Латвии, несмотря на тот факт, что они были уволены из российских вооруженных сил после 28 января 1992 г. (см. также пункт 28 выше).

81. Правительство-ответчик заявило, что передача российскими властями вышеуказанных списков, наряду с тем фактом, что Николаю Сливенко было предоставлено жилье в России, являлось уведомлением со стороны России, что Николай Сливенко и заявительницы, как члены его семьи, подпадали под действие договора.

82. Правительство Латвии кроме того заявило, что договор не проводил различия между близкими родственниками российского военнослужащего, которые прибыли в Латвию в связи с исполнением им своих служебных обязанностей, и теми лицами, которые проживали в Латвии до того, как стали членами семьи военнослужащего, обязанного покинуть Латвию в соответствии с договором. Поэтому, тот факт, что первая заявительница прибыла в Латвию, как родственница своего отца (который по договору не должен покинуть Латвию), а не как родственница Николая Сливенко, не влиял на обязанность заявительниц по договору покинуть Латвию вместе с Николаем Сливенко.

83. Относительно толкования латвийскими судами правовых норм о регистре жителей (см. пункт 56 выше) правительство Латвии заявило, что внутреннее право (независимо от договора) предусматривало особый правовой режим для лиц, которые являлись близкими родственниками российских военнослужащих, обязанных покинуть страну согласно договору, но прибыли в Латвию не в связи с прохождением каким-либо из их родственников службы в советских вооруженных силах. Такие лица могли получить постоянный вид на жительство в Латвии, при условии наличия у них для этого оснований, признаваемых латвийским законодательством. Напротив, право проживания не могло быть предоставлено таким лицам как заявительницы, которые являлись близкими родственниками российского военнослужащего, обязанного покинуть Латвию по договору, и прибыли в Латвию в связи с прохождением другими своими родственниками службы в советских вооруженных силах, даже если эти родственники имели право остаться в Латвии. В связи с этим правительство пришло к выводу, что заявительницы не могли претендовать на постоянное проживание в Латвии по внутреннему праву не только потому, что они принадлежали к семье Николая Сливенко, но и потому, что первая заявительница прибыла в Латвию как член семьи другого советского военнослужащего, ее отца.

84. Правительство заявило, что не имеет статистических данных о том, сколько лиц находились в схожей правовой ситуации с заявительницами – то есть, являлись членами семьи российского военнослужащего, обязанного покинуть Латвию по договору и в то

же время принадлежали к категории лиц, прибывших в Латвию в связи с прохождением службы в советских вооруженных силах своими родственниками.

85. Однако правительство могло подтвердить, что около 900 человек, родственников российских военнослужащих, обязанных покинуть Латвию по договору, смогли легализовать свое пребывание в Латвии, поскольку эти лица прибыли в Латвию не в связи с прохождением своими родственниками службы в советских вооруженных силах и являлись либо латвийскими гражданами, либо родственниками латвийских граждан. Однако заявительницы не принадлежали ни к одной из этих категорий.

86. Правительство-ответчик далее заявило, что латвийские власти аннулировали право на проживание заявительниц в Латвии также и на том основании, что первая заявительница представила ложную информацию о профессии Николая Сливенко. Правительство заявило, что представленный ими документ, подтверждающий ложные заявления первой заявительницы, является подлинным, был в материалах дела во время разбирательства в национальных судах, использовался как доказательство и на него ссылались в латвийских судах (см. пункты 19 и 20 выше).

87. Правительство-ответчик также отметило, что заявительницы не были лишены возможности посещать Латвию в результате их переезда в Россию. Кроме того, заявительниц проинформировали, что они могли бы получить въездную визу в Латвию, если бы добровольно подчинились распоряжению о выдворении. Таким образом, утверждение заявительниц о том, что они из-за этого были лишены возможности заботиться о родителях первой заявительницы, было безосновательным.

88. Правительство считает, что заявительницы, проживая на территории Латвии, так и не интегрировались в латвийское общество в силу следующих обстоятельств:

(а) Заявительницы прибыли в Латвию в связи с военной службой членов их семьи, а не выбрали ее в качестве своего места жительства.

(б) Советские военнослужащие не имели такого же статуса проживания в бывшем Советском Союзе, как другие советские граждане; с началом службы все военнослужащие были обязаны сдавать свои паспорта военным властям в обмен на военный билет, который являлся единственным документом, удостоверяющим личность военнослужащего.

(в) В своей повседневной жизни у военнослужащих СССР, дислоцированных на территории Латвии, не было необходимости

общаться с местными жителями или властями, поскольку большинство потребностей, например, в здравоохранении и жилье удовлетворялось военными властями.

(г) Заявительницы не обладали хорошим знанием латышского языка; в частности, сертификат, выданный второй заявительнице по завершении средней школы, подтверждал самую низкую степень владения латышским языком.

(д) По мнению правительства, те факты, что заявительницы являются русскоговорящими, имеют паспорта российских граждан и жилье в России, также служат доказательством, что они интегрировались в российское, а не латвийское общество. Правительство указало также на то, что родители первой заявительницы проживали отдельно от заявительниц, и что не было доказательств, что ее родители регулярно нуждались в медицинской или любой иной помощи со стороны заявительниц.

89. Принимая во внимание эти обстоятельства правительство пришло к выводу, что выдворение заявительниц соответствовало статье 8 Конвенции, в частности с учетом того, что Конвенцию нельзя толковать в том смысле, что она наделяет военнослужащих иностранного государства или членов их семей правом претендовать на постоянное проживание в стране прохождения военной службы.

### **Б. Комментарии третьей стороны**

90. По мнению правительства России, латвийско-российский договор не требовал выдворения заявительниц, поскольку Николай Сливенко был уволен из российских вооруженных сил уже 2 марта 1994 г. Этот договор не распространялся на лиц, уволенных из вооруженных сил до его подписания и вступления в силу. Российские власти не сообщали латвийским властям, что Николай Сливенко и члены его семьи покинут страну согласно части 5 статьи 3 договора. Поэтому толкование, данное правительством-ответчиком и предполагающее, что они должны были покинуть Латвию в связи с выводом войск по договору, является неверным.

91. Заявительницы полностью интегрировались в латвийское общество, поскольку они были гражданками Латвийской Советской Социалистической Республики. Не было никаких формальных или иных различий в статусе заявительниц по сравнению с положением других граждан СССР, проживавших в Латвии в рассматриваемый период времени. Поэтому, полностью необоснованным является установление для заявительниц особого правового статуса в Латвии в результате политических изменений в 1991 г.

92. В любом случае, вмешательство в осуществление прав заявительниц, ставшее результатом их выдворения, не преследовало законных целей, предусмотренных пунктом 2 статьи 8 и не было необходимым в демократическом обществе, поскольку не было доказательств того, что Николай Сливенко или заявительницы могли нанести ущерб интересам безопасности, общественного порядка или экономического благосостояния Латвии. Кроме того, латвийские власти не учли тот факт, что заявительницы прожили в Латвии почти всю свою жизнь и были полностью интегрированы в латвийское общество. Третья сторона пришла к выводу, что заявительниц произвольно лишили их родины в нарушение статьи 8 Конвенции.

## В. Мнение Суда

### *1. Вмешательство в осуществление прав заявительниц, предусмотренных пунктом 1 статьи 8 Конвенции*

93. В своей жалобе заявительницы указали, что их выдворение из Латвии нарушило их права, гарантированные статьей 8 Конвенции, поскольку примененные в этой связи к ним меры не уважали их личную жизнь, семейную жизнь и жилище в Латвии. Они утверждали, что эти меры не предусмотрены законом, не преследовали законных целей и не могли рассматриваться, как необходимые в демократическом обществе, как это предусмотрено пунктом 2 статьей 8. Прежде всего Суд должен установить, могут ли заявительницы утверждать, что у них была «личная жизнь», «семейная жизнь» или «жилище» в Латвии, о которых говорится в пункте 1 статьи 8, и было ли их выдворение из Латвии равнозначно вмешательству в осуществление права на их уважение.

94. В практике Суда по применению норм Конвенции в отношении мер по выдворению и экстрадиции основное значение постоянно уделялось понятию «семейной жизни», которое толковалась, как распространяющееся на фактическую «семейную жизнь», которую ведут на территории государства-участника Конвенции законно проживающие там иностранцы, причем понятие семьи в «семейной жизни» обычно ограничивается *core family*<sup>6</sup> (см., *mutatis mutandis*<sup>7</sup>, дело *Marckx v. Belgium*, постановление от 13 июня 1979 г., Серии А № 31, стр. 21, § 45; см. также *X. v. Germany*, № 3110/67, решение Комиссии от 19 июля 1968 г., Сборник решений

<sup>6</sup> Англ. «малая, ядерная семья, т.е. родители и дети» – прим.перев.

<sup>7</sup> Лат. «с учетом различий» - прим. перев.

27, стр. 77-96). Однако Суд также постановил, что Конвенция не предусматривает права, как такового, начать и вести семейную жизнь в конкретной стране (см., *inter alia*, дело *Abdulaziz, Cabales and Balkandali v. the United Kingdom*, постановление от 28 мая 1985 г., Серии А № 94, стр. 34 § 68; и дело *Gül v. Switzerland*, судебное постановление от 19 февраля 1996 г., *Сборник постановлений и решений* 1996-I, стр. 174-175, § 38; дело *Boultif v. Switzerland*, №52473/00, § 39, ECHR 2001-IX).

95. Суд далее отмечает, что в своей практике постоянно относил выдворение проживших в стране длительное время жителей к вопросам «личной жизни», а также «семейной жизни», придавая в этом контексте определенное значение степени социальной интеграции соответствующих лиц (см., например, дело *Dalia v. France*, постановление от 19 февраля 1998 г., *Сборник* 1998-I, стр. 88-89, §§ 42 - 45). Более того, Суд признал, что статья 8 применима к случаям изгнания перемещенных лиц из своих домов (см. дело *Cyprus v. Turkey* [GC], № 25781/94, § 175, ECHR 2001-IV).

96. Что касается фактов рассматриваемого дела, то первая заявительница прибыла в Латвию в 1959 г., в возрасте всего одного месяца. Она постоянно проживала в Латвии до 1999 г., т.е. до возраста 40 лет. Там она закончила школу, поступила на работу и вышла замуж. Ее дочь, вторая заявительница, родилась в Латвии в 1981 г. и прожила там до возраста 18 лет, когда ей пришлось покинуть страну вместе со своей матерью сразу после окончания средней школы. Не оспаривается тот факт, что заявительницы покинули Латвию против своей воли, в результате неблагоприятного завершения судебного процесса по поводу законности их пребывания в Латвии. Таким образом, они были выдворены из страны, где у них сложилась и непрерывно существовала с момента рождения система личных, социальных и экономических отношений, которые составляют личную жизнь каждого человека. Кроме того, в результате выдворения заявительницы потеряли квартиру, в которой они жили в Риге (см. пункты 32 и 46 выше). Учитывая эти обстоятельства, Суд не может не прийти к выводу, что выдворение заявительниц из Латвии представляло собой вмешательство в осуществление их прав на «личную жизнь» и их «жилище», предусмотренных пунктом 1 статьи 8 Конвенции.

97. Напротив, оспариваемое выдворение из страны, хотя очевидно, что у заявительниц существовала «семейная жизнь» в Латвии, не было направлено на разрушение семьи и не оказало подобного воздействия, если принять во внимание, что латвийские власти во исполнение латвийско-российского договора о выводе российских войск депортировали семью, а именно, Николая,

Татьяну и Карину Сливенко. В свете вышеупомянутых постановлений Суда несомненно, что Конвенция не предоставляет заявительницам право выбирать, в какой из двух стран – Латвии или России - продолжать или вновь создавать фактическую семейную жизнь. Кроме того, заявительницы не могут сослаться на существование «семейной жизни» применительно к отношениям с престарелыми родителями первой заявительницы, которые являются взрослыми людьми и не относятся к *core family*, и в отношении которых не было доказано, что они являются иждивенцами семьи заявительниц, так как доводы заявительниц в этой части не были достаточно обоснованными. Тем не менее, влияние оспариваемых действий на семейную жизнь заявительниц, прежде всего миграция семьи, вынужденная в конечном счете, в Российскую Федерацию, является фактором, имеющим значение для оценки Судом обстоятельств дела по статье 8 Конвенции. Суд также учтет отношения заявительниц с родителями первой заявительницы (бабушкой и дедушкой второй заявительницы) применительно к праву заявительниц на «личную» жизнь, предусмотренному пунктом 1 статьи 8 Конвенции.

98. Соответственно, Суд далее рассмотрит вопрос о том, было ли обоснованным или нет вмешательство в осуществление прав заявительниц на уважение их «личной жизни» и «жилища».

## 2. Обоснование вмешательства

99. Подобное вмешательство является нарушением статьи 8 Конвенции, если не доказано, что оно, согласно пункту 2 статьи 8, «предусмотрено законом», преследует одну или несколько перечисленных в нем законных целей и является «необходимым в демократическом обществе» для достижения соответствующей цели или целей.

### (a) Предусмотрено законом

100. В соответствии со сложившейся практикой Суда понятие «предусмотрено законом» означает, что для оспариваемых действий должны быть определенные основания по внутреннему праву. Кроме того оно предполагает качество соответствующих норм и требует их доступности соответствующему лицу и наличия возможности предвидеть последствия их применения (см. дело *Amann v. Switzerland* [GC], № 27798/95, § 50, ECHR 2000-II).

101. В настоящем деле правительство-ответчик ссылается на два разных основания, как на правовую основу для распоряжения о

выдворении, выданного в отношении заявительниц: во-первых, оно указывает на решения латвийских судов, согласно которым заявительницы были обязаны покинуть страну в силу положений латвийско-российского договора о выводе российских войск; во-вторых, оно утверждает, в порядке дополнительного обоснования выдворения заявительниц, что первая заявительница при подаче заявления о внесении ее в регистр латвийских жителей представила ложную информацию о роде занятий своего мужа.

102. Суд считает уместным сначала рассмотреть второе, вспомогательное основание, на которое ссылается правительство-ответчик. В этом контексте Суд отмечает, что заявительницы и третья сторона оспаривают факт представления ложной информации и утверждают, что документ, на который в этой связи указывает правительство-ответчик, является поддельным. Действительно, третья сторона представила экспертное заключение московского института судебно-медицинской экспертизы, которое, как она утверждала, доказывало, что этот документ фальсифицирован. Кроме того заявительницы и третья сторона обратились к Суду с ходатайством о проведении независимой экспертизы для подтверждения выводов московского института. Суд, однако, решением от 12 июля 2002 г. отклонил это ходатайство (см. пункт 12 выше).

103. Суд отмечает, что предметом его рассмотрения всегда должны быть оспариваемые решения национальных властей и юридические основания, по которым они принимались. Он не может учитывать какие-то альтернативные юридические основания, представленные правительством-ответчиком с целью обосновать соответствующие действия, если эти основания не отражены в решениях компетентных национальных властей или не являются их неотъемлемой частью. В настоящем деле не было доказано, что какое-либо из решений латвийских властей, принятых либо в ходе судебного разбирательства, начатого мужем первой заявительницы до выдачи распоряжения о выдворении (см. пункты 25-26 и пункты 29-30 выше), либо в ходе судебного процесса, впоследствии начатого самими заявительницами с целью отмены распоряжения о выдворении (см. пункты 34-39 выше), указывало на представление ложной информации как на основание для выдворения кого-либо из членов семьи Сливенко с территории Латвии. С учетом изложенных обстоятельств, представленные правительством-ответчиком объяснения по этому вопросу не должны приниматься во внимание и ходатайство заявительниц и третьей стороны об о проведении экспертизы более не имеет для себя основы.

104. Остается первое и главное основание, на которое ссылались правительство-ответчик, - довод о том, что выдворение заявительниц из Латвии предусматривалось двусторонним договором о выводе российских войск. В этой связи заявительницы и третья сторона утверждали, что латвийские суды дали неправильное толкование договору, что в соответствии с правильным толкованием договора муж первой заявительницы и конечно сами заявительницы не могли быть выдворены из Латвии и что российские власти никогда не просили выдворить семью заявительниц из Латвии. Суд отмечает, что здесь между сторонами тоже существуют разногласия по определенным фактическим вопросам, а именно относительно даты ухода в отставку мужа первой заявительницы, а также характера и подлинности списков от 31 марта 1994 г., 10 декабря 1994 г. и 16 октября 1995 г.

105. Суд повторяет, что толкование и применение внутреннего права – это задача прежде всего национальных органов, особенно судов (см. упомянутое выше постановление по делу *Amann*, § 52). То же самое можно сказать применительно к международным договорам - именно выполняющая договор сторона должна толковать его, и в этой связи Суд не должен заменять решение национальных властей своим собственным, и уж тем более не разрешать спор между сторонами договора относительно правильности его толкования. В задачи Суда также не входит повторное исследование фактов, установленных национальными органами и ставших основой данной ими юридической оценки. Назначение Суда – дать оценку, с точки зрения требований Конвенции, обоснованиям, имеющимся в решениях национальных судов, а не пересматривать их выводы в отношении конкретных обстоятельств дела или правовую квалификацию этих обстоятельств по внутреннему праву.

106. В настоящем деле латвийские суды заявили, что основанием для выдворения заявительниц был латвийско-российский договор о выводе российских войск. При этом они также толковали некоторые положения внутреннего законодательства Латвии в свете данного договора, в частности сделали вывод, что ни российские военнослужащие, которые были обязаны покинуть страну, ни члены их семей не отвечали требованиям для получения права на проживание в Латвии в качестве «бывших граждан СССР» (часть 2 статьи 2 договора). Конечно, в то время, когда заявительницы впервые обратились с заявлением о внесении их в регистр жителей, как «бывших граждан СССР», договор еще не вступил в силу, и, таким образом, применялись только соответствующие положения внутреннего законодательства. Однако

позднее соответствующие внутренние нормы могли на законном основании толковаться и применяться в свете договора - правового инструмента, который несомненно был доступен заявительницам в рассматриваемый период времени.

107. Что касается возможности предвидеть применение к делу заявительниц положений договора в сочетании с внутренним законодательством, то Суд также считает, что требования Конвенции были соблюдены. Заявительницы должны были предвидеть в разумной степени, по крайней мере с помощью консультантов-юристов, что их будут считать лицами, на которых распространяются положения договора, предусматривающие выезд родственников российских военнослужащих, затрагиваемых выводом войск, и что, следовательно, им могут не предоставить права на постоянное проживание в Латвии, как предусмотрено внутренним законодательством. Абсолютной определенности по этому вопросу нельзя было ожидать.

108. В любом случае, решения латвийских судов не представляются произвольными. В частности, что касается применимости договора к ситуации с заявительницами, то Суд не находит произвольным толкование части 3 статьи 2 договора, согласно которому 28 января 1992 г., дата принятия Российской Федерацией юрисдикции над бывшими советскими вооруженными силами, дислоцированными в Латвии, является конечным сроком для определения того, должен или нет военнослужащий покинуть страну (см. пункт 17 выше). Поскольку муж первой заявительницы был уволен из вооруженных сил после этой даты, то были основания полагать, что договор применим к нему и его семье. Дату его фактического увольнения, независимо от того, состоялось ли оно до или после подписания договора, также можно обоснованно считать не существенной для применимости договора, несмотря на противоположное мнение третьей стороны (см. часть 3 статьи 2 и статью 15 договора). Кроме того, что касается юридической оценки различных списков, переданных латвийским властям российской стороной, можно обоснованно считать, что юридическая сила и законность самого распоряжения о выдворении, т.е. той меры, которая была предпринята по латвийскому внутреннему праву во исполнение договора, не зависели от представления Россией какой-то конкретной просьбы.

109, Таким образом, выдворение заявительниц из Латвии можно считать «предусмотренным законом» согласно пункту 2 статьи 8 Конвенции.

#### **(б) Законная цель**

110. Правительство-ответчик в своих объяснениях указало, что выдворение заявительниц из Латвии преследовало законные цели защиты национальной безопасности и предотвращения беспорядков или преступлений. Оно подчеркнуло в этой связи, что эта мера должна была рассматриваться в контексте «искоренения последствий незаконной оккупации Латвии Советским Союзом». Заявительницы не согласились с этими утверждениями, поскольку никакая из вышеуказанных целей не была упомянута во время разбирательства их дела в национальных судах, ограничившегося рассмотрением законности их статуса жителей Латвии. Третья сторона возражала против заявления правительства-ответчика, охарактеризовавшего ситуацию в Латвии до 1991 г., как незаконную по международному праву.

111. Суд считает, что цель конкретных мер, принятых в отношении заявительниц, нельзя отделять от более широкого контекста конституционно-правовых и международно-правовых перемен после восстановления Латвией своей независимости в 1991 г. В этом контексте нет необходимости рассматривать с точки зрения международного права предыдущую ситуацию в Латвии. Достаточно отметить, что после распада СССР бывшие советские войска оставались в Латвии под российской юрисдикцией в то время, когда и Латвия и Россия были независимыми государствами. Поэтому, Суд согласен, что с помощью латвийско-российского договора о выводе российских войск и мер по выполнению этого договора, власти Латвии стремились защитить интересы национальной безопасности страны.

112. Коротко говоря, можно считать, что меры по выдворению заявительниц были применены в целях защиты национальной безопасности – законной цели согласно пункту 2 статьи 8 Конвенции.

#### **(в) Необходимость в демократическом обществе**

113. Мера, которая является вмешательством в осуществление прав, гарантированных пунктом 1 статьи 8 Конвенции, может рассматриваться как «необходимая в демократическом обществе», если она была предпринята в ответ на насущные социальные потребности и если использованные средства соразмерны преследуемым целям. Национальные власти пользуются определенной свободой усмотрения в этом вопросе. Задача Суда заключается в том, чтобы установить, обеспечивали ли оспариваемые меры справедливый баланс между затрагиваемыми

интересами, а именно защищенными Конвенцией правами физических лиц, с одной стороны, и интересами общества, с другой.

114. В настоящем деле заявительницы, прожившие в Латвии практически всю свою жизнь, но ставшие лицами без гражданства когда Латвия восстановила свою независимость в 1991 г., были обязаны покинуть страну согласно распоряжению о выдворении, выданному им, как членам семьи ушедшего в отставку российского военнослужащего, в соответствии с латвийско-российским договором о выводе российских войск. В связи с осуществлением этой меры им было отказано во внесении в регистр латвийских жителей как «бывших граждан СССР».

115. Суд повторяет, что Конвенция не гарантирует, как такового права иностранцам въезжать или проживать в конкретной стране. Обеспечение общественного порядка – это задача Высоких Договаривающихся Сторон, которую они решают, в частности, посредством реализации своего права контролировать въезд и проживание иностранцев согласно общепринятым нормам международного права и с учетом их договорных обязательств (см. среди прочих, упомянутое выше дело *Dalia*, стр. 91, §52).

116. По мнению Суда, вывод вооруженных сил одного независимого государства с территории другого вслед за распадом государства, к которому они оба раньше принадлежали, является, с точки зрения Конвенции, законным средством решения различных политических, социальных и экономических проблем, возникающих в результате такого распада. Тот факт, что в настоящем деле латвийско-российский договор предусматривал вывод всех военнослужащих, которые после 28 января 1992 г. перешли под российскую юрисдикцию, включая тех, кто был уволен из вооруженных сил до вступления договора в силу (который, следовательно, в этом отношении имел обратную силу), и также обязывал их семьи покинуть страну, сам по себе не является спорным, с точки зрения Конвенции и, в частности, статьи 8. Действительно, можно сказать, что этот договор уважал семейную жизнь соответствующих лиц, поскольку не нарушал целостность семьи и обязал Россию принять всю семью на своей территории, независимо от происхождения или государственной принадлежности отдельных членов семьи.

117. Что касается вмешательства в осуществление права соответствующих лиц на личную жизнь и жилище в связи с выводом российских войск, то такое вмешательство обычно не должно считаться несоразмерным принимая во внимание условия военных службы. Это прежде всего касается лиц, находящихся на действительной военной службе и членов их семей. Их вывод может

рассматриваться как действие, аналогичное переводу на другое место несения службы, которое в иных случаях могло бы осуществляться в приказном порядке в ходе их обычной службы. Более того, очевидно, что продолжение присутствия несущих службу военнослужащих иностранной армии, а также членов их семей, может рассматриваться как несовместимое с суверенитетом независимого государства и как угроза национальной безопасности. Поэтому, интересы государства в отношении вывода несущих службу военных со своей территории, обычно перевешивают интересы физического лица, связанные с продолжением пребывания в стране. Однако, даже в отношении таких лиц не следует исключать, что в силу особых обстоятельств их дела меры по выдворению могут быть неоправданными в свете требований Конвенции.

118. Меры по выдворению не считаются обоснованными в такой же мере в случаях с вышедшими в отставку военнослужащими и членами их семей. После их увольнения из вооруженных сил к ним обычно более не применяется требование о переезде по причине их военной службы. Хотя само по себе их включение в договор не выглядит спорным (см. пункт 116 выше), интересы национальной безопасности, по мнению Суда, будут иметь меньший вес в отношении этой категории лиц и больше значения необходимо придавать их законным личным интересам.

119. В настоящем деле муж первой заявительницы вышел в отставку с военной службы после 28 января 1992 г. - крайнего срока, установленного частью 3 статьи 2 договора и, таким образом, рассматривался латвийскими властями как лицо, подпадающее под вывод войск вместе с теми, кто состоял на действительной службе. Независимо от фактической даты своего выхода в отставку, которая является для сторон спорным вопросом, остается фактом то, что, начиная с середины 1994 г. и во время судебного разбирательства по поводу законности пребывания заявительниц в Латвии, муж первой заявительницы был уже на пенсии. Тем не менее этот факт не был учтен при определении статуса заявительниц в Латвии.

120. Суд также принимает во внимание информацию, предоставленную правительством-ответчиком в отношении разрешения сложных ситуаций. Согласно этой информации около 900 лиц (латвийские граждане или близкие родственники латвийских граждан) смогли легализовать свое пребывание в Латвии несмотря на свой статус родственников российских военнослужащих, обязанных покинуть страну (см. пункты 57 и 85 выше). Это свидетельствует о том, что латвийские власти не считали, что положения договора о выводе войск должны были

применяться без исключений. Напротив, власти полагали, что у них была определенная свобода действий, которая позволяла им обеспечивать уважение личной и семейной жизни, а также жилища соответствующих лиц согласно требованиям статьи 8 Конвенции. Что касается латвийских граждан, то их высылка к тому же противоречила бы статье 3 Протокола № 4 к Конвенции. В любом случае, как вновь отмечает Суд, договор не может служить достаточным основанием для того, чтобы лишить Суд его полномочия рассмотреть вопрос о том, имело ли место вмешательство в осуществление прав и свобод заявителек в свете положений Конвенции, и если да, то было ли такое вмешательство обоснованным (см. решение о приемлемости жалобы в настоящем деле, пункт 62, ECHR 2002-II).

121. Суд отмечает, что отступления от требования покинуть страну не ограничивались лицами, имеющими латвийское гражданство, а распространялись, несомненно, на иных жителей, причем их дела разрешались индивидуально в каждом конкретном случае. Однако власти в этой связи, по-видимому, не рассматривали вопрос о том, представляет ли каждое соответствующее лицо конкретную угрозу для национальной безопасности или общественного порядка. В случае с заявительницами также не было предъявлено обвинений в том, что они представляли такую опасность. Государственные интересы вместо этого, видимо, понимались абстрактно, как основа тех юридических различий, которые установлены внутренним законодательством.

122. Суд считает, что порядок вывода иностранных войск и членов семей военнослужащих, подобный рассматриваемому, когда основанием является общее заключение о том, что их вывод необходим для национальной безопасности, не может, как таковой считаться противоречащим статье 8 Конвенции. Однако применение такого порядка без какой-либо возможности учесть конкретные обстоятельства тех лиц, на которых не распространяются предусмотренные внутренним правом исключения в отношении выдворения из страны, по мнению Суда, не совместимо с требованиями этой статьи. Для того чтобы обеспечить справедливый баланс между конкурирующими интересами частного лица и общества, лицо не должно выдвигаться в принудительном порядке, если такая мера не соразмерна преследуемой законной цели. В настоящем деле вопрос заключается в том, были ли конкретные обстоятельства в деле заявителек более весомыми, чем угроза для национальной безопасности, исходящая от их семейных связей с бывшими иностранными военнослужащими.

123. Правительство-ответчик утверждало, что заявительницы не были достаточно интегрированы в латвийское общество (см. пункт 88 выше). В этой связи Суд отмечает, что заявительницы провели практически всю свою жизнь в Латвии (см. пункт 96 выше). Действительно, заявительницы по происхождению не латышки и прибыли в Латвию и проживали в ней – тогда части СССР – в связи со службой в советских вооруженных силах членов их семьи (отца первой заявительницы и ее мужа). Однако заявительницы также установили личные, социальные и экономические связи в Латвии, которые не имели отношения к их статусу родственников советских (а позднее – российских) военнослужащих. Это доказывается тем фактом, что заявительницы жили не в армейских казармах или любых иных зонах с ограниченным доступом, а в многоквартирном жилом доме, в котором проживали и гражданские лица. Заявительницы также не учились и не работали в военных учреждениях. Первая заявительница смогла найти работу в латвийских компаниях после восстановления Латвией своей независимости в 1991 г.

124. Что касается аргумента правительства-ответчика об уровне владения заявительницами латышским языком, Суд отмечает, поскольку это обстоятельство имеет значение для дела, что не было доказано, что степень владения заявительницами этим языком – хотя точный уровень является спорным вопросом для сторон – была недостаточной для ведения ими нормальной повседневной жизни в Латвии. В частности, нет никаких доказательств того, что уровень знания заявительницами латышского языка как-то отличался от уровня других лиц – носителей русского языка, проживающих в Латвии, включая тех, кто смог получить статус «бывших граждан СССР», для того чтобы остаться в Латвии на постоянной основе.

125. Хотя в 1999 г. заявительницы переехали в Россию, чтобы воссоединиться с Николаем Сливенко, и в конечном итоге получили российское гражданство, очевидно, что к этому времени они не установили личные, социальные или экономические связи в России, схожие с теми, которые сложились у них в Латвии. Коротко говоря, Суд считает, что в рассматриваемый период времени заявительницы были достаточно интегрированы в латвийское общество.

126. Наконец, Суд отмечает заявление правительства-ответчика (см. пункт 83 выше) о том, что основанием для особого подхода к делу заявительниц был тот факт, что первая заявительница прибыла в страну в 1959 г. как член семьи советского военнослужащего – ее отца и бабушки второй заявительницы. Следовательно, решающим элементом была не текущая семейная

ситуация заявительниц (то есть то, что они были соответственно женой и дочерью Николая Сливенко, ушедшего в отставку российского военнослужащего, который покинул Латвию более чем за два года до применения принудительных мер к заявительницам), а история их семьи, то есть тот факт, что они являлись соответственно дочерью и внучкой бывшего советского военнослужащего.

127. Однако отец первой заявительницы и дедушка второй заявительницы ушел в отставку с военной службы еще в 1986 г. Поскольку это было задолго до конечного срока, предусмотренного частью 3 статьи 2 договора, на него самого не распространялась обязанность покинуть страну в силу договора и отсутствовали какие-либо официальные препятствия для того, чтобы он и его жена стали постоянными жителями Латвии как «бывшие граждане СССР». Более того, они остались в стране даже после выдворения заявительниц. Суд не может согласиться с тем, что заявительницы могли представлять угрозу для национальной безопасности Латвии по причине принадлежности к семье отца первой заявительницы, бывшего советского военнослужащего, который сам не считался представляющим подобную опасность.

128. Учитывая все изложенные обстоятельства Суд считает, что власти Латвии превысили пределы той свободы усмотрения, которая есть у Высоких Договаривающихся Сторон в подобных вопросах, и что они не смогли обеспечить справедливый баланс между законной целью защиты национальной безопасности и необходимостью защиты прав заявительниц по статье 8. Поэтому, выдворение заявительниц с территории Латвии не может рассматриваться как «необходимое в демократическом обществе».

129. Соответственно, имело место нарушение статьи 8 Конвенции.

## II. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 14 КОНВЕНЦИИ В СОЧЕТАНИИ СО СТАТЬЕЙ 8

130. Заявительницы также утверждали, что нарушена статья 14 Конвенции в сочетании со статьей 8, поскольку существовали различия между правовым положением членов семей российских военнослужащих, которые были обязаны покинуть Латвию, и правовым положением других русскоговорящих жителей Латвии, которые как бывшие советские граждане могли получить вид на жительство в стране.

Статья 14 предусматривает:

«Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы

то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам.»

## **А. Объяснения сторон**

### *1. Заявительницы*

131. Заявительницы утверждали, ссылаясь на статью 14 Конвенции в сочетании со статьей 8, что их выдворили из Латвии как представителей русскоговорящего этнического меньшинства и членов семьи бывшего российского военнослужащего. Они жаловались на то, что к ним, таким образом, применили иной режим по сравнению с другими латвийскими жителями, имеющими статус «бывших граждан СССР». Они заявили, в частности, что применение к ним иного режима по сравнению с теми лицами, которые могли получить статус «бывших граждан СССР», не может быть оправдано ввиду того факта, что уровень интеграции заявительниц в латвийское общество был таким же, как и у других русскоговорящих лиц.

### *2. Правительство-ответчик*

132. Правительство-ответчик отрицало существование различий в статусе по признаку языка или этнического происхождения. Оно также утверждало, что особенности правового положения офицеров российской армии и членов их семей были оправданны, поскольку вывод иностранных вооруженных сил вместе с членами семей личного состава с территории независимой Латвии был необходим для защиты национальной безопасности и, следовательно, обоснован по Конвенции.

## **Б. Комментарий третьей стороны**

133. Российское правительство заявило, что различия в правовом положении в Латвии бывших советских или российских военнослужащих и членов их семей, с одной стороны, и другими русскоговорящими жителями Латвии, с другой стороны, не соответствуют требованиям статьи 14. Отсутствуют какие-либо доказательства того, что Николай Сливенко или заявительницы

могли нанести ущерб безопасности, общественному порядку или экономическому благосостоянию Латвии. Выдворение заявителек было результатом «этнической чистки» со стороны латвийских властей. Третья сторона также заявила, что в отношении всех этнических русских в Латвии существует особый правовой режим.

## **В. Мнение Суда**

134. Суд считает, что, ввиду установления факта нарушения статьи 8 Конвенции (см. пункт 129 выше), нет необходимости выносить решение в отношении жалобы заявителек по статье 14 Конвенции в сочетании со статьей 8.

### **III. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ**

135. Заявительницы в своей жалобе указали, что их заключение под стражу 28-29 октября 1998 г. и заключение под стражу второй заявительницы 16-17 марта 1999 г. были необоснованными и незаконными, что нарушало статью 5 Конвенции.

Пункт 1 статьи 5 Конвенции в соответствующей части гласит:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:...

...

f) законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого предпринимаются меры по его высылке или выдаче.»

## **А. Объяснения сторон**

### *1. Заявительницы*

136. Заявительницы жаловались, что их заключение под стражу 28-29 октября 1998 г. и заключение под стражу второй заявительницы 16-17 марта 1999 г. нарушили пункт 1 статьи 5 Конвенции.

137. В отношении обоих периодов заключения под стражу заявительницы утверждали, что заключение под стражу не преследовало ни одну из целей, указанных в пункте 1 статьи 5 Конвенции. Кроме того, заключение под стражу было

необоснованным, поскольку у латвийских властей не было никаких причин подозревать, что заявительницы могли скрыться или что у них не было места жительства. В этом отношении заключение под стражу не соответствовало внутреннему праву, а именно требованиям статьи 48 Закона «Об иностранцах».

138. Что касается заключения заявительниц под стражу 28-29 октября 1998 г., то они утверждали, что в соответствии с законодательством их апелляция на распоряжение о выдворении должна была приостановить действие распоряжения с 7 октября 1998 г. и что их заключение под стражу, таким образом, противоречило статье 40 Закона «Об иностранцах». Заявительницы также утверждали, что даже сами латвийские иммиграционные власти признали, как это следует из письма от 29 октября 1998 г., что этот период содержания под стражей был незаконным по внутреннему праву (см. пункт 43 выше).

139. Вторая заявительница также жаловалась, что ее заключение под стражу 16-17 марта 1999 г. было необоснованным и незаконным. Она утверждала, что на тот момент времени она еще не достигла совершеннолетия, но ее задержали без уведомления ее родителей или иных родственников. Более того, у латвийских властей не было права заключать ее под стражу в этот период в связи с тем, что несовершеннолетних нельзя высылать из Латвии отдельно от родителей.

## *2. Правительство-ответчик*

140. Правительство-ответчик утверждало, что оспариваемые случаи заключения под стражу совместимы с положениями пункта 1(f) статьи 5 Конвенции, поскольку незаконность пребывания заявительниц в Латвии была подтверждена вступившими в силу решениями национальных судов, кроме того в отношении заявительниц имелось вступившее в силу распоряжение о выдворении. По мнению правительства, не было необходимости в том, чтобы заключение заявительниц под стражу преследовало «законные цели», на которые указывают заявительницы, в силу того факта, что в то время осуществлялась процедура выдворения, оправдывающая заключение заявительниц под стражу в части требований пункта 1(f) статьи 5 Конвенции.

141. Заключение под стражу не было необоснованным, поскольку заявительницы были задержаны в связи с осуществлением процедуры выдворения в соответствии положениями внутреннего законодательства, которые были понятны и доступны им. Заявительницы были арестованы, поскольку у

властей были «разумные основания полагать, что эти лица могут скрыться или что у этих лиц [не было] постоянного места жительства». Более того, заявительницы были арестованы только после неоднократного невыполнения распоряжения о выдворении и после многочисленных предупреждений в этой связи от латвийских властей.

142. Правительство также утверждало, что статьи 40 и 48 (часть 5) Закона «Об иностранцах» предусматривали, что распоряжение о выдворении вступало в силу только после того, как были исчерпаны все средства правовой защиты, то есть, только после отказа в удовлетворении жалобы относительно законности выдачи распоряжения о выдворении. По мнению правительства, такое решение, подтверждающее юридическую силу распоряжения о выдворении, было вынесено Рижским областным судом 6 мая 1998 г. После этого распоряжение о выдворении вступало в силу, что разрешало заключение заявительниц под стражу.

143. Заключение под стражу 28-29 октября 1998 г. и 16-17 марта 1999 г. было основано на законных решениях полиции, принятых в силу статьи 48 (часть 5) Закона «Об иностранцах» и соответствующих положений Закона «О полиции». Заявительницы прочли и подписали ордера на арест и, следовательно, знали о его причинах. Жалоба первой заявительницы от 7 октября 1998 г. на распоряжение о выдворении не приостанавливала, согласно внутреннему законодательству, юридическую силу этого распоряжения, поскольку ее апелляция по этому вопросу уже была рассмотрена в суде. Правительство пришло к выводу, что заключение под стражу соответствовало внутреннему законодательству.

144. Правительство также заявило, что освобождение заявительниц 29 октября 1998 г. и освобождение второй заявительницы 17 марта 1999 г. просто были жестами доброй воли со стороны иммиграционных властей по гуманитарным причинам, ввиду состояния здоровья родителей первой заявительницы и необходимостью для второй заявительницы закончить школу. По этим соображениям иммиграционные власти «отложили исполнение распоряжения о выдворении».

## **Б. Комментарий третьей стороны**

145. Российское правительство заявило, что заключение заявительниц под стражу 28-29 октября 1998 г. и заключение под стражу второй заявительницы 16-17 марта 1999 г. были необоснованными и незаконными, поскольку не было никакого

судебного определения о заключении заявительниц под стражу и латвийские власти не указали на какие-либо основания для их заключения под стражу. Кроме того, заключение под стражу второй заявительницы, несовершеннолетнего лица, 16-17 марта 1999 г. было незаконным, поскольку на тот момент времени она не обладала дееспособностью и не могла быть выслана из страны или заключена под стражу отдельно от первой заявительницы.

## В. Мнение суда

146. Суд согласен с тем, что заключение заявительниц под стражу в этих двух случаях следует рассматривать по пункту 1(f) статьи 5 Конвенции как заключение под стражу «с целью высылки». Данное положение только требует, чтобы «предпринимались меры по высылке» и, поэтому, для применения этого положения не имеет существенного значения, является ли обоснованным само решение о высылке по национальному законодательству или нормам Конвенции. Однако любое лишение свободы согласно пункту 1(f) статьи 5 будет оправданным только в период осуществления процедуры выдворения. Если такая процедура не осуществляется должным образом, то заключение под стражу перестает быть допустимым по пункту 1(f) статьи 5 Конвенции (см. дело *Chahal v. United Kingdom*, постановление от 15 ноября 1996 г., *Сборник 1996-V*, стр. 1862-63, §§ 112-113). В настоящем деле не оспаривается, что заключение заявительниц под стражу, которое в обоих случаях было очень непродолжительным (менее 24 часов 28-29 октября 1998 г. и 30 часов 16-17 марта 1999 г.), было санкционировано в контексте мер по их выдворению, которые на соответствующие даты были еще не закончены. Более того, нельзя сказать, что эта процедура не осуществлялась властями должным образом.

147. Остается вопрос, было ли заключение под стражу в каждом случае «законным» и «в порядке, установленном законом». В этой связи Конвенция имеет в виду прежде всего обязательство властей соблюдать материальные и процессуальные нормы национального права, но также требует, чтобы любое лишение свободы соответствовало целям статьи 5, а именно целям защиты физического лица от произвола (см. упомянутое выше дело *Chahal*, стр. 1864, § 118).

148. В ордерах на арест заявительниц, выданных полицией 29 октября 1998 г. и 16 марта 1999 г. (см. пункты 42 и 45 выше), указывались как соответствующее правовое основание ареста по внутреннему законодательству (а именно, часть 5 статьи 48 Закона «Об иностранцах» в каждом случае), так и фактические

обстоятельства, на которых основывалось подозрение, что заявительницы пребывали в Латвии нелегально. Заявительницы расписывались на ордерах, тем самым подтверждая, что они ознакомились с указанными в них причинами ареста (см. пункт 2 статьи 5 Конвенции).

149. Действительно, в письме от 29 октября 1998 г. иммиграционные власти проинформировали полицию о своем мнении, что арест заявительниц в этот день был «преждевременным», ввиду того, что 7 октября 1998 г. первая заявительница подала апелляцию на распоряжение о выдворении (см. пункт 43 выше). Однако, даже наличие определенных пороков в ордере на арест необязательно делает последующий период заключения под стражу незаконным по смыслу пункта 1 статьи 5 (см., *mutatis mutandis*, дело *Benham v. the United Kingdom*, постановление от 10 июня 1996 г., *Сборник* 1996-III, стр. 753-54, §§ 42-47) и, в частности, это возможно в тех случаях, когда, как в настоящем деле, предполагаемая ошибка немедленно обнаруживается и исправляется освобождением соответствующих лиц.

150. Более того, как отметило правительство-ответчик, мнение иммиграционных властей, возможно, основывалось на неправильном толковании применимого внутреннего права. Фактически, на соответствующие даты, то есть 28-29 октября 1998 г. и 16-17 марта 1999 г. распоряжение о выдворении, выданное 20 августа 1996 г., уже стало окончательным в силу решения Верховного Суда от 29 июля 1998 г., и поэтому очевидно, что у заявительниц больше не было средств правовой защиты, чтобы предотвратить свое выдворение из Латвии. В этой связи существенным является то, что иммиграционные власти не рассматривали «апелляцию» от 7 октября 1998 г., а вместо этого проинформировали заявительниц в письме, датированном 29 октября 1998 г., что они должны немедленно покинуть страну (см. пункт 44 выше).

151. Принимая во внимание положения статей 40 и 48 (часть 5) Закона «Об иностранцах», в соответствии с которыми распоряжения о выдворении вступают в силу после исчерпания всех средств правовой защиты, Суд считает, что ни у одного из ордеров на арест, выданных полицией в отношении заявительниц, не отсутствовало законное основание по внутреннему законодательству. Более того, нет доказательств того, что при выдаче этих ордеров полиция действовала недобросовестно или необоснованно.

152. Следовательно, заключение заявительниц под стражу 28-29 октября 1998 г. и 16-17 марта 1999 г. было санкционировано «в

порядке, установленным законом» и было «законным» по смыслу пункта 1(f) статьи 5 Конвенции. Таким образом, в настоящем деле не было нарушения данного положения.

#### IV. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 4 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

153. Заявительницы в своей жалобе также указали, что они были лишены права на рассмотрение судом правомерности их задержания в нарушение требований пункта 4 статьи 5 Конвенции, который гласит:

«Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным.»

#### A. Объяснения сторон

##### 1. Заявительницы

154. Заявительницы утверждали, что отсутствие возможности обратиться в суд, чтобы оспорить законность заключения под стражу 28-29 октября 1998 г. и 16-17 марта 1999 г. явилось нарушением пункта 4 статьи 5 Конвенции. Они считают, что общая возможность обжаловать любой административный акт в суде не обеспечила им права, установленного пунктом 4 статьи 5 Конвенции.

##### 2. Правительство-ответчик

155. Правительство утверждало, ссылаясь на постановление по делу *Fox, Campbell and Hartley v. the United Kingdom* (от 30 августа 1990 г., Серии А № 182), что пункт 4 статьи 5 Конвенции не применяется в случаях освобождения лица из-под стражи до проведения безотлагательного рассмотрения судом правомерности его заключения под стражу. Ввиду очень коротких периодов оспариваемого заключения под стражу, вышеуказанное положение Конвенции не применимо к настоящему делу.

156. Правительство также указало, что заявительницы в любом случае имели право оспорить свое заключение под стражу в суде, подав жалобу согласно Гражданскому процессуальному кодексу (глава 24-А), который гарантировал право обжаловать в суде любое административное действие, нарушающее личные права (см. пункт

62 выше). Таким образом, в настоящем деле не было нарушения пункта 4 статьи 5. Правительство заявило, что оно не смогло найти какое-либо решение латвийских судов, в котором бы жалоба на незаконное заключение под стражу в связи с мерами по выдворению была рассмотрена в вышеуказанном порядке. Однако, с точки зрения правительства, отсутствие подобной судебной практики не отрицало существования такого средства защиты на практике.

### **Б. Комментарий третьей стороны**

157. Российское правительство поддержало утверждение заявителем о том, что латвийский закон не предоставил заявителям возможности оспорить в суде правомерность их заключения под стражу.

### **В. Мнение Суда**

158. Суд отмечает, что обе заявительницы были заключены под стражу на период менее 24 часов 28-29 октября 1998 г., а вторая заявительница была заключена под стражу на 30 часов 16-17 марта 1999 г.. В обоих случаях заявительницы были освобождены быстро, до того как могло состояться рассмотрение судом правомерности их заключения под стражу. Тем не менее, даже в противном случае, перед Судом не стояла бы задача определять *in abstracto*<sup>8</sup>, соответствует ли объем доступных в Латвии средств правовой защиты требованиям пункта 4 статьи 5. В этой связи Суд отмечает, что пункт 4 статьи 5 Конвенции касается лишь тех средств правовой защиты, которые должны быть доступны во время содержания лица под стражей в целях безотлагательного рассмотрения судом правомерности его или ее заключения под стражу, чтобы обеспечить возможность освобождения в надлежащих случаях. Данное положение Конвенции не касается других средств защиты, которые могут использоваться для рассмотрения вопроса о законности уже закончившегося содержания под стражей, включая, в частности, краткосрочные заключения под стражу, подобные имевшим место в настоящем деле.

159. Соответственно, Суд не считает необходимым рассматривать по существу жалобу заявителем по пункту 4 статьи 5 Конвенции (см. *mutatis mutandis* упомянутое выше дело *Fox, Campbell and Hartley*, стр. 20-21, § 45).

---

<sup>8</sup> Лат. «абстрактно, отвлеченно, в общем плане» - прим. перев.

## V. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

160. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне.»

### A. Причиненный ущерб

161. Заявительницы потребовали 400 000 евро в качестве компенсации морального вреда, причиненного в результате принудительного выдворения из Латвии, которую они считали своей родиной. Они утверждали, что иммиграционные и другие власти предприняли в отношении них особенно жесткие и суровые меры, и это доказывается прежде всего их заключением под стражу, и что такое обращение оправдывало размер требуемой ими компенсации морального вреда.

162. Заявительницы также утверждали, что они понесли определенный материальный ущерб, а именно в виде утраченного заработка в Латвии и имущества, отошедшего к латвийским властям. Заявительницы указали, что они не могут представить документы, подтверждающие их требования о компенсации материального ущерба, поскольку все соответствующие документы остались в Латвии. Поэтому, заявительницы не указали конкретной суммы, которую они требуют в этой части.

163. Правительство сочло эти требования чрезмерными.

164. Третья сторона поддержала требования заявителец.

165. Суд установил нарушение статьи 8 Конвенции в связи с выдворением заявителец из Латвии только в отношении права на уважение их личной жизни и жилища, но не в части вмешательства в осуществление их семейной жизни. Суд также не пришел к выводу о нарушении статьи 5 Конвенции.

166. Что касается требования заявителец о компенсации материального ущерба, Суд отмечает, что они не указали размера требуемой суммы в этой части, а также не представили каких-либо конкретных данных об утраченном, как было заявлено, имуществе и заработке. В любом случае, Суд не видит достаточной причинно-следственной связи между заявленным материальным ущербом и установленным выше нарушением Конвенции.

167. Что касается требования заявительниц о компенсации морального вреда, то Суд считает, что им был причинен определенный вред в результате установленного нарушения. Учитывая требование справедливости, Суд присуждает каждой из заявительниц по 10000 евро в этой части.

### **Б. Издержки и расходы**

168. Суд отмечает, что он обеспечил заявительницам оплату правовой помощи (в соответствии с установленным Судом порядком освобождения от оплаты правовой помощи), оказанной заявительницам при изложении обстоятельств дела во время слушаний, подготовки заявительницами объяснений и дополнительных замечаний, ведения переговоров о мировом соглашении, а также оплату секретарских услуг. Заявительницы не представили каких-либо требований о компенсации каких-то других расходов, связанных с рассмотрением дела. Соответственно, у Суда нет необходимости что-то присуждать в этой части.

### **ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД**

1. *Постановил* одиннадцатью голосами против шести, что имело место нарушение статьи 8 Конвенции.
2. *Постановил* одиннадцатью голосами против шести, что нет необходимости отдельно рассматривать жалобу заявительниц по статье 14 Конвенции в сочетании со статьей 8.
3. *Постановил* шестнадцатью голосами против одного, что пункт 1 статьи 5 Конвенции не был нарушен.
4. *Постановил* единогласно, что не требуется рассмотрение по существу жалобы заявительниц по пункту 4 статьи 5 Конвенции.
5. *Постановил* одиннадцатью голосами против шести:
  - (а) что государство-ответчик обязано в течение трех месяцев выплатить каждой из заявительниц 10000 (десять тысяч) евро в качестве компенсации морального вреда, плюс любые налоги, которые могут взиматься с этой суммы государством-ответчиком.
  - (б) что по истечении вышеуказанного трехмесячного срока на присужденные суммы выплачиваются простые проценты в размере предельной процентной ставки по займам Европейского центрального банка в течение периода неплатежа, плюс 3 процентных пункта.
6. *Отклонил* остальные требования заявительниц о выплате справедливой компенсации.

Совершено на английском и французском языках и оглашено 9 октября 2003 г. в открытом судебном заседании во Дворце прав человека в Страсбурге.

Пол Махони  
Секретарь

Люциус Вильдхабер  
Председатель

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда к настоящему постановлению прилагаются отдельные мнения следующих судей:

(а) частично совпадающее и частично особое мнение г-на Ковлера;

(б) совместное особое мнение г-на Вильдхабера, г-на Ресса, Сэра Николаса Братцы, г-на Кабрала Баррето, г-жи Грeve и г-на Марустэ;

(в) отдельное особое мнение г-на Марустэ.

Л.В.  
П.Дж.М.

## ЧАСТИЧНО СОВПАДАЮЩЕЕ И ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ КОВЛЕРА

### I. Относительно статьи 8 Конвенции

Хотя я разделяю мнение большинства о том, что имело место нарушение пункта 1 статьи 8 Конвенции, я, тем не менее, хотел бы пояснить свою позицию по вопросу о вмешательстве в осуществление права заявительниц на «семейную жизнь» – по жалобе, отклоненной Судом в мотивировочной части постановления.

Позволю себе выразить мнение, что в пункте 97 постановления Суд сузил понятие «семейной жизни», сведя ее к связям только в пределах *core family*. Иными словами, Суд выбрал традиционную концепцию основанной на супружеских обязательствах семьи, то есть супружеской семьи, состоящей из отца, матери и их несовершеннолетних детей, тогда как взрослые дети, бабушки и дедушки исключаются из круга семьи. Это может быть правильным с точки зрения строгого юридического смысла этого термина, в котором он используется в гражданском законодательстве европейских стран, но толкование, которое дает Суд в своей практике пункту 1 статьи 8, открывает другие горизонты благодаря акценту на более широкие семейные узы.

В самом постановлении по делу *Marckx*, которое упоминается в настоящем деле, Суд отметил, что ««семейная жизнь» по смыслу статьи 8 включает как минимум связи между ближайшими родственниками, например, между дедушками, бабушками и внуками, поскольку такие родственники могут играть значительную роль в семейной жизни», и пришел к выводу, что ««уважение» семейной жизни в таком понимании подразумевает обязанность государства действовать таким образом, чтобы дать возможность этим связям нормально развиваться» (см. дело *Marckx v. Belgium*, постановление от 13 июня 1979 г., Серии А № 31, стр. 21, § 45; см. также *Scozzari and Giunta v. Italy* [GC], № 39221/98 и № 41963/98, § 221, ECHR 2000-VIII). Иными словами, Суд мог, по крайней мере, провести более четкое различие между «семьей» в строгом юридическом смысле этого термина и более широкой концепцией «семейной жизни», изложенной в постановлении по делу *Marckx*.

Соответственно, заявление в настоящем постановлении о том, что «заявительницы не могут ссылаться на существование «семейной жизни» применительно к отношениям с престарелыми родителями первой заявительницы, которые являются взрослыми

людьми и не относятся к “core family”, отступает от указанного выше прецедента и не учитывает социологический и человеческий аспекты современных европейских семей (я намеренно оставляю в стороне мусульманские и африканские семьи, поскольку мое обоснование относится исключительно к географической области, на которую распространяется юрисдикция Суда). Например, можно сослаться на словарь французского языка Э. Литтре “*Dictionnaire de la langue française*”, который определяет “*famille*” (“семью”) как “*l'ensemble des individus de même sang qui vivent les uns à côté des autres*” («группа проживающих вместе лиц, связанных кровными узами»). Даже если такое понимание нельзя назвать юридическим, оно отражает представления тех, на кого распространяется юрисдикция наших судов.

Ограничительная концепция супружеской семьи (известная в правовой антропологии как «нуклеарная семья») устаревает в свете очевидных изменений в семейном законодательстве, недавно имевших место в ряде европейских стран. Наряду с этим, традиция «расширенной семьи», столь сильная в странах Восточной и Южной Европы, получила отражение в основных законах этих стран. Например, Конституция Российской Федерации – государства, гражданами которого сейчас являются заявительницы – предусматривает: «Трудоспособные дети, достигшие 18 лет, должны заботиться о нетрудоспособных родителях» (пункт 3 статьи 38). Сходные положения существуют в конституциях Украины (пункт 2 статьи 51), Молдовы (пункт 4 статья 48) и других стран. Это означает, что в этих странах традиция помогать престарелым родителям прочно утвердилась как моральный императив, закрепленный в Конституции. В основном именно эти соображения руководили заявительницами при направлении безуспешной в итоге просьбы латвийским властям не разлучать их со своими престарелыми и больными прямыми родственниками по восходящей линии. «Семейная жизнь» для них явно немыслима без возможности заботиться об этих родственниках. Что может быть более естественным или более человеческим?

Следовательно, по моему мнению, выдворение заявительниц было равносильно необоснованному вмешательству не только в осуществление их права на «личную жизнь» и «жилище», но также, и более всего, в их «семейную жизнь».

## II. Относительно пункта 1 статьи 5 Конвенции

К сожалению, я не могу согласиться с мнением большинства о том, что в настоящем деле не было нарушения пункта 1 статьи 5 Конвенции.

У меня не было бы возражений в отношении мер, предпринятых для выдворения двух заявительниц, включая их арест, если бы Суд не постановил, что их выдворение с территории Латвии не было «необходимым в демократическом обществе» (см. пункт 128 постановления). В свете установленного нарушения статьи 8 Конвенции, чрезвычайно трудно оправдать саму процедуру выдворения, на которую распространяется пункт 1(f) статьи 5.

Хотя процедура выдворения часто оправдывает лишение свободы на основе пункта 1(f) статьи 5, такое лишение свободы должно соответствовать принципу «законности» заключения под стражу в целях депортации (см., среди прочих, дело *Chahal v. the United Kingdom*, постановление от 15 ноября 1996 г., *Сборник постановлений и решений* 1996-V, стр. 1864, § 118); иными словами, лицо должно быть защищено от произвола. По моему мнению, данное требование является особенно настоятельным в случае с женщинами, одна из которых была несовершеннолетней.

По общему правилу, любое лишение свободы по статье 5 Конвенции должно быть «законным», что включает требование о том, чтобы оно осуществлялось «в порядке, установленном законом». По этому вопросу Конвенция по существу отсылает к национальному праву и устанавливает обязательство соблюдать его материальные и процессуальные нормы» (см. дело *Witold Litwa v. Poland*, № 26629/95, § 72, ECHR 2000-III). В настоящем деле представитель национальных властей указал в письме в иммиграционную полицию, что арест заявительниц 28 октября 1998 г. был «преждевременным» (см. пункт 43 постановления). Суд согласился с замечаниями правительства, согласно которым «мнение иммиграционных властей, возможно, основывалось на неправильном толковании применимого внутреннего права», что, с моей точки зрения, не делает арест заявительниц полностью «законным». Поведение двух женщин, которые расписались на ордерах на их арест, доказывает, что у них не было намерения скрываться. Ввиду того, что у них было постоянное место жительства до того момента, когда они покинули страну, у властей отсутствовали веские основания, чтобы оправдать примененные к ним ограничения как необходимые в демократическом обществе.

Заключение под стражу второй заявительницы (которая на тот момент времени не достигла совершеннолетия) в лагере за пределами города 16-17 марта 1999 г. было еще менее «законным», поскольку правительство-ответчик не доказало, что ее арест

удовлетворял требованиям статьи 48 (часть 5) Закона «Об иностранцах», поскольку вероятность того, что она «скроется» была более чем иллюзорной. Было бы нелогично совершать «жест доброй воли» и отпускать заключенного из-под стражи, если бы действительно были основания полагать, что она попытается скрыться. Следовательно, примененный порядок, не имевший убедительной основы в положениях статьи 48 (часть 5) Закона не был «установлен законом». Арест второй заявительницы не мог быть ничем иным, как актом запугивания с целью оказать на нее психологическое давление и ускорить отъезд заявительниц. Более того, на момент ареста у девушки не было возможности связаться с адвокатом или, по крайней мере, с матерью и ее насильно увели в неизвестность.

Таковы соображения, которые привели меня к выводу, что имело место нарушение пункта 1 статьи 5.

## СОВМЕСТНОЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ ВИЛЬДХАБЕРА, РЕССА, БРАТЦЫ, КАБРАЛА БАРРЕТО, ГРЕВЕ И МАРУСТЭ

1. Мы не можем согласиться с мнением большинства членов Суда, что выдворение из Латвии заявителец по настоящему делу привело к нарушению статьи 8 Конвенции.

2. Мы полностью разделяем точку зрения большинства не только в том, что латвийско-российский договор от 30 апреля 1994 г. о выводе российских войск из Латвии служил законной цели применительно к статье 8 Конвенции, но также и в том, что тот факт, что договор предусматривал вывод всех военнослужащих, которые после 28 января 1992 г. перешли под российскую юрисдикцию, и что он также обязывал покинуть страну и членов их семей, сам по себе не вызывает возражений, с точки зрения положений Конвенции. Мы также поддерживаем мнение, что хотя вывод российских войск явился вмешательством в осуществление прав соответствующих лиц на личную жизнь и жилище, такое вмешательство обычно не представляется несоразмерным, учитывая условия службы военных лиц. Продолжение присутствия военнослужащих иностранной армии с их семьями может, как указано в постановлении, рассматриваться как несовместимое с суверенитетом независимого государства и как угроза национальной безопасности, и заинтересованность государства в их выводе с территории обычно перевешивает заинтересованность лица, желающего остаться. Все эти основания, взятые вместе, с нашей точки зрения, оправдывают вывод об отсутствии нарушения.

3. Таким образом, существенное расхождение во мнениях с большинством судей связано с их выводом о том, что особые обстоятельства в деле заявителец были таковы, что меры по выдворению становились несоразмерными и необоснованными в свете требований статьи 8 Конвенции.

4. Прежде всего мы отмечаем особый исторический контекст и цель подписания договора, а именно устранение последствий советского правления в Латвии. В преамбуле договора обе стороны – Латвия и Россия – согласились, что вывод российских войск планировался ими «для искоренения негативных последствий своей общей истории» (см. пункт 64 постановления). Законность этой цели договора, с нашей точки зрения, чрезвычайно важна для оценки оснований вмешательства в осуществление прав военнослужащих и членов их семей, обязанных покинуть страну согласно договору.

Важно также отметить, что сам договор не налагал на латвийские власти обязательство обосновывать каждую предпринятую меру указанием на ту фактическую угрозу для

национальной безопасности, которую представляло конкретное лицо, в частности, члены семьи, которые не являются военными. Общий порядок вывода иностранных войск и их семей, подобный имевшему место в рассматриваемом деле, не легко сочетать с процедурами индивидуального, конкретного обоснования по обстоятельствам каждого отдельного дела (см., *mutatis mutandis*, дело *James and Others v. the United Kingdom*, постановление от 21 февраля 1986 г, Серии А № 98, стр. 41-42, § 68). По нашему мнению, подход, согласно которому в регулирующем документе определяются широкие категории подлежащих выводу военнослужащих, вместе с членами их семей, без учета персональной истории их жизни, обеспечивает необходимый справедливый баланс между конкурирующими интересами отдельного лица и общества.

5. В своем выводе о том, что в настоящем деле такой баланс не обеспечен, большинство членов Суда придали особое значение ряду обстоятельств дела. В частности, их доводы основываются на том, что:

(i) заявительницы были членами семьи военнослужащего, ушедшего в отставку и, соответственно, интересы национальной безопасности должны иметь меньший вес, чем в случае с офицерами, состоящими на действительной военной службе;

(ii) согласно имеющимся доказательствам 900 человек смогли легализовать свое пребывание в Латвии, несмотря на свой статус родственников российских военнослужащих, обязанных покинуть страну, и, таким образом, латвийские власти не придерживались мнения, что в применении положений договора не должно быть исключений;

(iii) в настоящем деле не выдвигались обвинения в том, что заявительницы представляли конкретную угрозу для национальной безопасности или общественного порядка, а государственные интересы понимались абстрактно, как основа тех юридических различий, которые установлены внутренним законодательством;

(iv) на момент выдворения из Латвии заявительницы были достаточно интегрированы в латвийское общество и установили личные, социальные и экономические связи в Латвии, не имеющие отношения к их статусу родственников советских (а позднее – российских) военнослужащих;

(v) решающим элементом для особого подхода к делу заявительниц стала не их текущая семейная ситуация, а тот факт, что они были дочерью и внучкой бывшего советского военнослужащего, который ушел в отставку в 1986 г. и остался в стране даже после выдворения заявительниц, поэтому нельзя считать, что они могли

представлять угрозу национальной безопасности по причине принадлежности к семье лица, которое само не считалось представляющим такую угрозу.

6. Мы сожалеем, но мы не считаем, что эти факторы, если их рассмотреть в отдельности или в совокупности, достаточны, чтобы обосновать вывод о том, что латвийские власти, потребовав выдворения заявительниц из страны, не смогли обеспечить справедливый баланс.

7. Относительно первого элемента мотивировки можно отметить, что большинство уже пришло к выводу, что обратная сила договора, то есть его применение к тем, кто был уволен из вооруженных сил до вступления в силу этого договора, не является не соответствующей требованиям Конвенции, хотя такие лица и не осуществляли активной военной функции на момент своего выдворения и могли рассматриваться как лица, представлявшие в индивидуальном отношении меньшую угрозу для национальной безопасности. Применение договора к близким родственникам тех военнослужащих, которые подпадают под его действие, независимо от того, состоят ли они на действительной службе или ушли в отставку, представляется нам в равной степени обоснованным в свете положений Конвенции, даже если значительное большинство членов семей индивидуально не представляли бы угрозы для национальной безопасности. Учитывая законную цель, преследуемую договором, а именно, репатриацию всей иностранной армии, включая как военный персонал, так и иждивенцев, статья 8, с нашей точки зрения, не может быть истолкована как требующая такого применения договора, когда близкие родственники, которые прожили в Латвии значительное время и, соответственно, имеют дом и устоявшуюся личную жизнь, могут быть выдворены только в том случае, если будет доказано, что они лично представляют угрозу национальной безопасности Латвии. Такое толкование подорвало бы эффективность выполнения договора, поскольку условие о фактической угрозе территориальной безопасности, в силу самого его характера, вряд ли вообще можно удовлетворить применительно к членам семьи. Поскольку была признана законность включения членов семьи в программу вывода, нам трудно согласиться с тем, что частным интересам членов семьи офицеров, недавно ушедших в отставку, нужно придавать больше значения, чем интересам офицеров, состоящих на действительной службе.

8. Большинство членов Суда указывают на тот факт, что после увольнения из вооруженных сил обязанность совершать переезды, как часть общих условий военной службы, обычно больше не распространяется на военнослужащих и их семьи. Хотя это и верно,

настоящее дело касается не передислокации военнослужащих и их семей в соответствии с общими условиями военной службы, а скорее связано с выполнением условий международного договора, призванного обеспечить прекращение навязанного и длительного военного присутствия на иностранной территории. В этой связи мы хотели бы отметить, что сами положения договора отражают стремление учесть семейную жизнь соответствующих лиц, рассматривая семью как единое целое, поскольку Российская Федерация взяла на себя обязательство принимать на своей территории всю семью в целом, независимо от происхождения или гражданства отдельных ее членов.

9. Тот факт, что в 900 случаях латвийские власти разрешили отступление от предусмотренной договором обязанности покинуть страну, с нашей точки зрения, не усиливает аргументацию в пользу заявительниц. Все выгодоприобретатели по этим отступлениям были либо латвийскими гражданами, либо близкими родственниками латвийских граждан и эти решения не основывались на соображениях о том, представляло ли каждое соответствующее лицо конкретную угрозу для национальной безопасности Латвии (см. пункты 57 и 85 постановления). Кроме того, что касается латвийских граждан, то подобного рода изъятия требовались в силу самой Конвенции, поскольку их выдворение противоречило бы статье 3 Протокола № 4 к Конвенции. Заявительницы же не имели подобных связей с Латвией. Отказ в предоставлении постоянного вида на жительство в Латвии, согласно объяснениям правительства-ответчика, был вызван их принадлежностью к двум семьям военнослужащих: первая заявительница прибыла в страну в 1959 г., как дочь советского офицера, состоявшего в то время на действительной службе; в 1980 г. она вышла замуж за другого советского офицера, который приехал в Латвию для прохождения службы и затем продолжил службу в дислоцированных в Латвии российских вооруженных силах после того, как эта страна восстановила свою независимость. Таким образом, единственной причиной проживания двух заявительниц в Латвии было присутствие там советских вооруженных сил, которые, начиная с января 1992 г., стали вооруженными силами Российской Федерации. Следовательно, отказ пойти на исключение в отношении заявительниц в связи с их личными трудностями соответствовал основополагающей логике договора, которая, как заключил Суд, обеспечивала справедливый баланс.

10. В постановлении правильно отмечено, что заявительницы в период своего проживания в Латвии установили прочные связи со страной. Однако при принятии решения о том, позволяли ли эти

связи заявительницам претендовать на особый режим при применении договора, латвийские власти имели право, как мы считаем, также учесть существенные личные связи, которые были у заявительниц с Россией. В этом отношении нам бы хотелось отметить, что заявительницы были по происхождению русскими и русскоговорящими, посещали русскоязычные образовательные учреждения и, в конечном итоге, смогли стать российскими гражданами. Муж первой заявительницы стал гражданином России еще проживая в Латвии и уже переехал в Россию к тому времени, когда произошли обжалованные заявительницами события (см. пункты 21 и 33 постановления). Начиная с конца 1994 г., у семьи в России имелось также жилье в Курске (см. пункты 28, 37 и 46 судебного постановления) и не было представлено доказательств того, что в конечном итоге заявительницы не могли вести личную жизнь, заниматься образовательной или трудовой деятельностью в России. Следовательно, хотя их личные, социальные и экономические связи с Латвией нельзя отрицать, у заявительниц, по всей видимости, также были в равной степени значительные связи такого характера в России (см. дело *Dalia v. France*, постановление от 19 февраля 1998 г., *Сборник постановлений и решений 1998-I*, стр. 91-92, § 53; см. также дело *C. V. Belgium*, постановление от 7 августа 1996 г., *Сборник 1996-III*, стр. 924, § 34).

11. С учетом этих обстоятельств мы не можем прийти к выводу, что латвийские власти превысили пределы свободы усмотрения, предоставленной им статьей 8 Конвенции, в конкретном контексте вывода российских вооруженных сил с территории Латвии после почти 50 лет советского присутствия там. По нашему мнению, латвийские власти имели право считать, что оспариваемое вмешательство в осуществление заявительницами права на уважение их личной жизни и жилища было «необходимым в демократическом обществе».

12. В связи с таким выводом необходимо рассмотреть также утверждение заявительниц о том, что имело место нарушение статьи 14 Конвенции в сочетании со статьей 8, поскольку существовали различия между правовым положением членов семей российских военнослужащих, которые были обязаны покинуть Латвию, и правовым положением других русскоговорящих жителей Латвии, которые как бывшие советские граждане могли получить вид на жительство в стране.

13. Согласно практике Суда, различия в правовом положении являются дискриминацией в свете требований статьи 14, если у них «нет объективного и разумного обоснования», то есть если они не преследуют «законные цели» или отсутствует «разумная степень

соразмерности между применяемыми средствами и достигаемой целью». Высокие Договаривающиеся Стороны располагают определенной свободой усмотрения при оценке того, оправдывают ли имеющиеся различия в похожих во всем остальном ситуациях применение разных режимов, и если да, то в какой степени (см., среди прочих, дело *Van Raalte v. the Netherlands*, судебное постановление от 21 февраля 1997 г., *Сборник 1997-I*, стр. 106, § 39).

14. Заявительницы утверждали, что их выдворение явилось дискриминацией по двум признакам – принадлежности к русскоязычному меньшинству и принадлежности к семье российского военнослужащего. Мы считаем необоснованным утверждение заявительниц, что их дискриминировали как русскоязычных лиц. Фактически, много русскоязычных лиц смогли легализовать свое пребывание в Латвии. Особый режим, примененный латвийскими властями к заявительницам, основывался не на их этническом происхождении, а на их принадлежности к двум семьям военнослужащих, один из которых был в составе российских вооруженных сил и подлежал выводу по договору 1994 г. По причинам, уже приведенным при рассмотрении жалобы непосредственно по статье 8, было бы оправданно, по нашему мнению, принять во внимание эти элементы для обоснования применения оспариваемых мер по выдворению заявительниц с территории Латвии.

15. По тем же причинам мы считаем, что особый режим, примененный в настоящем деле в связи со статусом заявительниц – то есть особый режим, предусмотренный соответствующими правовыми положениями и затем примененный к заявительницам при реализации этих положений, – имел объективное и разумное обоснование и, таким образом, не был равнозначен дискриминации в свете требований статьи 14 Конвенции.

16. Следовательно, по нашему мнению, не было нарушения статьи 14 в сочетании со статьей 8 Конвенции.

## ОТДЕЛЬНОЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ МАРУСТЭ

Разделяя взгляды, выраженные в совместном особом мнении, я хотел бы ниже привести еще несколько причин, по которым я не могу согласиться с большинством.

Во-первых, я считаю это дело особенным по породившим его историческим обстоятельствам. Именно из них вытекают конституционно-правовые и международно-правовые последствия, которые нельзя не учитывать. Хорошо известно и признано международным правом, что прибалтийские государства, включая Латвию, потеряли свою независимость в результате «Пакта Гитлера-Сталина», заключенного между нацистской Германией и СССР, под которым фактически понимается «Пакт Молотова-Риббентропа» или секретные протоколы, прилагавшиеся к договору о ненападении между Советским Союзом и Германией, который был подписан 23 августа 1939 г. В результате этого секретного соглашения Восточная Европа была поделена на две сферы влияния, и прибалтийские государства, включая Латвию, отошли к сфере интересов Советского Союза. За этим последовали советские угрозы применения силы в форме ультиматума, предъявленного в 1940 г. прибалтийским государствам, включая Латвию, в котором СССР потребовал смены правительства и ввода советских вооруженных сил (дополнительно к тем, которые уже были размещены на советских военных базах). Фактический ввод вооруженных сил и смена правительства произошли в июне 1940 г.

Согласно статье 42 Гаагской Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны, территория считается оккупированной, *«если она фактически находится под властью неприятельской армии»*. Для сравнения: ультиматум, предъявленный Германией в 1938 г. Австрии, был отнесен Нюрнбергским военным трибуналом к действиям, которые следует считать «преступлениями против мира» согласно Лондонской хартии 1945 г.

Вышеупомянутые действия Советского Союза не были признаны большинством международного демократического сообщества, включая Европейский Парламент и Совет Европы. Последний, например, выразил свое отношение в Резолюции № 189 (1960) по поводу ситуации в прибалтийских государствах, указав на: *«20-ю годовщину оккупации и насильственного присоединения к Советскому Союзу трех европейских государств – Эстонии, Латвии и Литвы»* и что *«данная незаконная аннексия произошла без какого-либо реального учета мнения людей»*.

Согласно признанному принципу международного права, который сейчас также закреплен в Римском статуте (Уставе)

Международного уголовного суда (статья 8), запрещается перемещение, прямо или косвенно, оккупирующей державой части своего собственного гражданского населения на оккупированную ею территорию. Более того, согласно той же статье 8 это является военным преступлением.

В соответствии с общепризнанными принципами международного права, каждое неправомерное, с международной точки зрения, действие государства влечет за собой международную ответственность и обязательство этого государства восстановить *status quo ante*<sup>9</sup>. Следовательно, восстановление независимости прибалтийских государств на основе правопреемственности и вывода советских/российских войск, необходимо рассматривать как компенсацию за историческую несправедливость. Эта цель также была подчеркнута в преамбуле латвийско-российского договора от 30 апреля 1994 г. (договора о выводе войск), где было отмечено, что, подписывая этот договор, стороны хотели *«искоренить негативные последствия своей общей истории»* (см. пункт 64). Таким образом, требование договора о выводе военнослужащих и членов их семей (пункт 2.2 договора) полностью соответствует принципам международного права. Следовательно, цель, преследуемая латвийско-российским договором от 30 апреля 1994 г., была полностью правомерной в свете положений Конвенции (см. пункт 111). Суд справедливо признал, что вывод вооруженных сил одного независимого государства с территории другого является надлежащим способом решения различных политических, социальных и экономических проблем, возникающих из-за этой исторической несправедливости.

Поскольку Латвия восстановила свою независимость от СССР в 1991 г. и Российская Федерация приняла юрисдикцию над вооруженными силами бывшего Советского Союза с 28 января 1992 г., предусмотренный договором порядок вывода охватывал всех военнослужащих, состоявших на службе в российских вооруженных силах в Латвии на тот момент времени, вместе с семьями, даже если увольнение произошло до вступления договора в силу. Программа вывода по своей сути не была такой, чтобы меры, предпринятые в отношении двух заявительниц, выходили за пределы имевшейся у латвийских властей свободы усмотрения при решении законно поставленных задач. Следует отметить, что сам договор не налагал на латвийские власти обязательство обосновывать каждую предпринятую меру указанием на ту фактическую угрозу, которую соответствующее конкретное лицо представляло для национальной

---

<sup>9</sup> Лат. «положение, существовавшее до этого» - прим. перев.

безопасности, в частности, члены семьи, не являвшиеся военными. Более того, список лиц, подлежащих выводу согласно условиям договора, был составлен не латвийской, а российской стороной. При таких обстоятельствах ответственность за вывод лежит, по крайней мере, на обеих сторонах договора, а не только на латвийской стороне. Необходимо также отметить, хотя это оспаривалось заявительницами и третьей стороной, что именно латвийские суды установили, что первая заявительница не представила всю необходимую информацию (в заявлении о регистрации 1995 г.) о (военной) профессии ее мужа. Заявительницы знали об этом документе, но они никогда не оспаривали его юридическую силу в латвийских судах. Они и третья сторона сделали это лишь на более поздней стадии.

Наконец, начиная с конца 1994 г. действовала крупномасштабная программа западной финансовой помощи с целью размещения возвращающегося советского/российского военного персонала, в соответствии с которой, как было отмечено Верховным Судом Латвии, жилье было предоставлено и семье Сливенко. Хотя я понимаю, что для большинства членов Суда присуждение заявительницам компенсации было логичным следствием установления нарушения, тем не менее, в свете этой программы помощи и учитывая историческое прошлое, в котором большинство лиц, испытавших несправедливость, так никогда и не смогли получить компенсацию ни за материальный ущерб, ни за моральный вред, мне трудно согласиться с присужденной Судом денежной компенсацией.